

Андрей Батурин

КОНТРА БЕЩЕДНОСТИ

Андрей Батурин
Контрабандисты

«Издательские решения»

Батурин А.

Контрабандисты / А. Батурин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518505-1

Желание сбежать из страны-тюрьмы объединяет героев этой книги, а также шесть похищенных живописных шедевров, которые, как часть причитающихся им народных богатств, собираются вывезти они с собой. Детективная история разворачивается в СССР времен позднего застоя. Приведенные автором описания суровых реалий социализма не просто служат фоном для лихо закрученного сюжета, а еще и призывают одуматься ратующих за возвращение той эпохи.

ISBN 978-5-00-518505-1

© Батурин А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	12
3	18
4	30
5	39
6	44
7	48
8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Контрабандисты

Андрей Батурин

Корректор Ольга Нуждова

© Андрей Батурин, 2020

ISBN 978-5-0051-8505-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В грязной, насквозь прокуренной мастерской за небрежно застеленным газетой столом сидели двое: неопрятный старик в заляпанном красками халате на голое тело и молодой хлыщ весь в джинсе, помытый, надушенный, с безупречной прической. Отец и сын встретились после долгой разлуки, чтобы обсудить важное дело, но что-то мешало разговору начаться.

Тишину в комнате нарушила крупная черная муха. Она покинула теплую пыльную щель за батареей, где спала с осени, взлетела, надрывно жужжа, сделала пару тяжелых кругов под потолком и плюхнулась на картину, стоящую рядом со столом на мольберте.

Сделала она это случайно, умышленно, либо какая-то неведомая сила приземлила ее мохнатое тельце именно туда – неясно. Однако центр изображенной композиции сразу же обрел необходимую массу, набросанные лихими пастозными мазками фигуры вокруг пришли в движение, и картина ожила.

Рассеянно следивший за проделками насекомого старик не мог не заметить этого. Взгляд его на мгновение вспыхнул молодым задором, тело дернулось схватить кисть и поставить пятно, которое долго искал, но через пару секунд все прошло. Он лишь вздохнул и, угрюмо заметив: «Муха зимой к покойнику», поднял кружку.

– Давай за здоровье, что ли.

– Давай. – Сын поднял свой стакан, брезгливо покосился на его плохо отмытые от краски бока и начал мелко-мелко глотать теплую водку. Закончив, скривился в гримасе отвращения и торопливо запил газировкой, которую держал наготове в другой руке. – Фу-у-у! – Его пере-дернуло.

– Волосы бабские, и пьешь, как баба, – поморщился отец неодобрительно, по-молодецки забросил в себя свою порцию и даже не стал закусывать.

– Да пошел ты... Мужик...

Предок для Эдуарда давно уже перестал быть авторитетом. Напротив, он считал его козлом и неудачником, как, впрочем, многие сыновья своих отцов в его возрасте. Талантливый, подающий большие надежды художник в прошлом, тот спустил в унитаз все свои радужные перспективы, не захотев, когда надо было, прогнуться перед властью. На что-то там обиделся, за что-то боролся, качал права, в результате загремел в психушку, а когда его выпустили, им с женой и малолетним сыном ничего не оставалось, как покинуть столицу и вернуться на родной Урал. Тут он с трудом нашел место реставратора в каком-то задрипанном музее, а в последнее время и в нем пропил к себе все доверие, был уволен и сейчас перебивался случайными заработками.

Отец презрительно хмыкнул, снова разлил и выпил. Взгляд его, наконец-то, потеплел, он достал из пачки беломорину и закурил.

– Ты засранец, конечно, Эдька, но у меня нет другого сына, и я должен передать все это тебе.

– От засранца слышу...

– Молчи и слушай, сопляк, а то мигом вышибу тебя отсюда!

Эдуард открыл было рот поставить старого алкаша на место, но, наткнувшись на его взбешенный взгляд, осекся на полуслове. Отец позвал его к себе в мастерскую выпить, что само по себе необычно, кроме того, обещал что-то подарить, а это было уже совсем чем-то невероятным. Поэтому разругаться и уйти, не выяснив, в чем дело, было бы, по меньшей мере, глупо. Он снисходительно усмехнулся и стал озираться по сторонам.

Давненько не посещал он его берлогу, но с тех пор ничего и не изменилось. Тот же заваленный мусором пол и горы вонючих окурков во всех возможных местах, грязные, никогда немытые окна и покрытая пылью абстрактная мазня на стенах.

– Что сейчас... пишешь? – спросил Эдуард, ухмыляясь.

– Ничего... – Отец сделал вид, что не заметил издевки. – А зачем? Кому это нужно?

– Ну а бабки-то где берешь? На выпивку хотя бы...

– А... Это, конечно... Потолки одному пиджаку разрисовываю. Вот... – Он провел рукой над накрытым столом. – Поит, кормит, денег вперед дает.

Отец чересчур глубоко затянулся папиросой и закашлялся. Прошло с полминуты, а он все сгибался и разгибался, схватившись за горло. Тело его, судорожно дергаясь, издавало странный свистящий лай, словно пыталось избавиться от чего-то большого и цепкого, засевшего в груди. Решив, что пора помочь, Эдуард небрежно, не снимая ноги с ноги, налил в кружку газировки и протянул страдальцу. Тот не увидел этого, а как только смог оторвать руку от лица, схватил со стола бутылку, сделал несколько крупных глотков и подавил кашель водкой.

– Э-э-э... – Плюнул на пол и вытер слезы.

– Тубик, что ли? – Эдуард с опаской покосился на кровавый харчок.

– Нет... Хуже... Да не бойся, не заразный я, – усмехнулся старик, заметив, как сын испуганно отодвинулся от стола. – Рак... Рак это... Рачок... Умираю я, Эдька...

– Да ну? Откуда знаешь? Поди, в больницу ходил? – Сын скептически осмотрел его с головы до ног.

– Не сам... Кашлял так же да упал недели две тому назад на остановке... Увезли на скорой, взяли кровь, еще что-то и отпустили. А вот третьего дня сообщили, что рак и, что странно, как я вообще живой все еще. По анализам давно ласты склеить должен был бы...

– Вот те раз... Мать знает?

– Да... Ей и сообщили.

Родители были официально женаты, но отец жил в основном в своей мастерской и появлялся дома очень редко – помыться, пожрать горячего, иногда занять денег. Мать любила его или жалела и всегда помогала.

Отец нахмурился, снова налил и поднял свою посудину:

– Ты будешь, или как?

Эдуард взял стакан:

– За твое здоровье, батя, что ли, тогда... – Рассеянно чокнулся и стал пить на всякий случай брезгливо подогнутыми губами.

Известие застало его врасплох. До этого ему никогда не приходилось сталкиваться со смертями. Он, засунув в рот кусок колбасы, начал жевать и лихорадочно взвешивать в уме плюсы и минусы предстоящего события.

– А ты что, все спекулируешь? – спросил отец. – Не боишься, что поймают?

– Фу, батя!.. Бизнесом занимаюсь. Это у нас в совке спекуляция, а во всем мире «бизнес» называется. Там все живут на этом, и никого не сажают. Надо же, придумали: «Нетрудовые доходы», сами бы попробовали, уроды! – Эдуард приосанился. – Ну а так-то я – тоже художник. Сам знаешь, у нас ведь «Кто не работает – не ест». Ценники пишу в гастрономе. Девяносто рублей минус бездетность. – Он усмехнулся и поправил и так безупречно уложенные волосы.

То, чем он промышлял в дополнение к своему вышеуказанному заработку, бизнесом назвать можно было с очень большой натяжкой – служил посредником между настоящими спекулянтами и своими многочисленными знакомыми. У первых брал дефицитные импортные шмотки, сигареты, журналы, прочий модный ширпотреб и, разнося по домам, перепродавал на десятку-другую дороже. Навар получался небольшой, но на выпивку и парикмахерскую хватало, к тому же в процессе реализации товарами можно было осторожненько попользо-

ваться. Чем он и не пренебрегал. Моднее парня в округе не было. То в монгольской кожаной куртке рассекает, то в японской болоньевой, а то даже и в «Адидасе». Джинсы и кофточка разные менял каждую неделю, а уж всякие аксессуары, типа пластиковых пакетов, чуть ли не каждый день. Все это создавало ему репутацию состоятельного человека. Эксплуатировать товары, правда, надо было очень аккуратно, а он любил выпить и погулять. В результате вещам частенько наносился ущерб: то пятно посадит, то порвет, а, бывало, терял, забывал где-нибудь. Один раз уснул в трамвае, приехал в парк, там его, бесчувственного, раздели до трусов и дипломат с товаром украли. В общем, постоянно был в долгах у поставщиков.

– Да я не против. Бизнес – это хорошо. Ты, видать, пацан, в деда пошел. Я не говорил тебе раньше, что он из дворян у нас, белым офицером был, что в лагерях сгнил за непокорность. Я тоже совок этот с рождения ненавижу. Все свалить хотел, – он вздохнул, – да, видать, кишка тонка. – Вылил остатки водки себе в стакан и выпил.

– Свалить... – Глаза Эдуарда заблестели. – Свалить-то – оно бы неплохо. Только вот кому мы там нужны? С неграми под мостом ночевать? Нет уж, спасибо.

– А свобода, сынок? Сам воздух... – Отец с наслаждением втянул ноздрями вонь своей конуры, как будто на время оказался на Монмартре или на берегу Гудзона. – Можно ничего не есть, только дышать, дышать... Сидеть на лавочке и смотреть, смотреть... Свободные красивые люди, быстрые автомобили... голуби... Даже дождь там прекрасный... – Он закрыл глаза, узловатая рука сжала воображаемую кисть и задергалась, рисуя представляемую картину.

– Да ты, батя, оказывается, романтиком был... – Эдуард с жалостью посмотрел на преобразившегося от мечтаний старика. – Не знал.

– Да... был... – вернулся тот обратно на Родину. – Херово мне, Эдька, болит все, сил нет... если бы не лекарство, – он скользнул взглядом по пустой бутылке, – сдох бы давно. – Достал из ящика стола следующую, отковырял грязными ногтями пробку, налил себе и освежил сыну.

– Может, хватит тебе? – предположил Эдуард.

Отец раздраженно отмахнулся:

– Давай за тебя выпьем. – Торопливо чокнулся со стоящим на столе стаканом и, забросив в себя водку, добавил: – Может, тебе удастся пожить по-человечески.

В душе Эдуарда что-то дернулось, он взял водку, тоже выпил, запил газировкой. Хотел снова закусить колбасой, но, встретив раздраженный взгляд пересевшей на нее мухи, передумал.

– Как же так, батя? Ты же великим художником мог стать... Мать рассказывала, сколько народу на твою выставку приходило. Как же ты оказался здесь? В этом говнище... Он достал из дипломата новую пачку «Мальборо», распечатал, достал две сигареты, одну сунул себе в рот, другую протянул отцу. Тот с благоговением взял в руки кусочек Запада, и они закурили.

– Если бы ты пересилил себя тогда и нарисовал бы им, что они хотели... Что, совсем невозможно было? Хотя бы ради нас с матерью? Неужели...

– Если бы да кабы! – грубо перебил его старик, в глазах его вспыхнул гнев на секунду, потом погас. – Ну не мог я... Не мог... Прости... Много раз об этом думал... Да, все стало бы тогда по-другому. Да, писал бы, жили бы в столице, пили бы сейчас не здесь, а в ресторане, но это был бы уже не я, а другой... Не художник, а вот, как ты – оформитель... – Он снова налил и выпил. – Ну да что это я? Не понять тебе, в общем...

Выбросил докуренный до фильтра чинарик, достал свой «Беломор», зажег, жадно затянулся и снова жутко закашлялся. Даже муха прервала свой завтрак и в тревоге покинула тарелку.

– Да куда уж мне... Эдуард, морщась, налил в кружку водки и протянул старику. Тот проглотил. Это снова подействовало. Перестал кашлять, поднялся и, держась за стену, пошел

в угол комнаты, к заваленной всякой дрянью раковине. Там долго отплевывался, после чего умыл лицо и вернулся за стол.

– Ну а потом почему ничего не рисовал? Имя у тебя было, писал бы себе... Какая разница где, здесь или в Москве? – не унимался сын.

– Так вылечили меня. Два года в больничке галоперидол кололи. Этого мать разве тебе не рассказывала? – Отец провел рукой по развешанным на стенах картинам. – Вот что у них получилось. Видишь? Художественной ценности не представляет...

Он снова взял со стола папиросы, но, подумав, положил обратно.

– Ладно, что толку об этом вспоминать. Давай к делу, а то помру вдруг. – Он хрипло хохотнул, снова чуть не закашлялся, но невероятным усилием сдержался. – В общем, переверни-ка вот эту мазню, – показал пальцем на средних размеров полотно на стене.

Эдуард нехотя поднялся и выполнил просьбу. Под картиной оказалась еще одна.

– Узнаешь? – Старик ехидно усмехнулся.

– Что-то знакомое... Кандинский, что ли? – ляпнул Эдуард первое, что пришло в голову из полученных когда-то институтских знаний.

– Фу! – Отец презрительно скривился. – Родченко.

Сын внимательно рассмотрел, даже потрогал:

– Хорошая копия, трещинки даже, как на настоящей... Ты, что ли, делал? Почему завесил?

– А сейчас эту, – отмахнулся от него старик и показал на другую картину.

– Малевич, – подняв, сразу узнал сын гордость местного музея.

– Молодец. Эту...

– Опять Родченко?

– А вот это-то как раз Кандинский. Эту...

– Не знаю, что-то знакомое...

– Снова Родченко. Эту...

– Опять Кандинский?

– Почти угадал – Лазарь Маркович Лисицкий.

– Постой, постой... – Эдуард вытер выступивший на лбу пот. – Не хочешь ли ты сказать, что...

– Я ничего не хочу сказать. Это ты мне скажи, ты в институте учился.

Эдуард снял картину с гвоздя и поднес к свету. Долго рассматривал с лица, с изнанки, тер, нюхал. Снял другую, так же тщательно проверил, третью... Потом разворошил рукой прическу, которой так дорожил, и, заикаясь от волнения, спросил:

– Н-не может быть. Говори, батя, в чем наколка?

– Никакой наколки. Все самое лучшее из коллекции русского авангарда, пожертвованной дочерью академика Возгозовского нашему музею. Все подлинники. Ну, подрамники, конечно, новодел, а холсты родные, даже не реставрированные.

– А-а как же тогда? Где взял... столько?! Это же миллионы д-долларов...

– Ну, где взял, где взял... Не скажу, что купил. Украл. Вернее сменялся. Им свое, а себе мировое.

– Так надо брать их и рвать когти, пока не пришли! – Эдуард выглянул через грязное стекло на улицу, схватил пару полотен и заметался по комнате.

– Да не суетись, пацан, – усмехнулся отец, – сейчас уже не придут. Они тут два года висят. Я тоже сначала ждал, боялся, особенно когда Яков исчез.

– Какой Яков?

– Яков Серафимыч, друган мой, директор. Он же это все придумал. Мы с ним вместе свалить хотели. Договорились – он бы уехал, потом меня перетащил бы... В Израиль. Сначала,

а там куда хочешь, – старик грустно вздохнул, – хоть в Париж, хоть в Нью-Йорк... У него уже все на мази было, месяц до выезда оставался, а он вдруг раз и исчез.

– Как исчез?

– А вот так. Взял и исчез. Как в воду канул. Я перепугался, думал, загребли его, что расколют там. Все ждал, что и за мной придут, чуть обратно все не снес... Но прошел месяц – ничего, год – ничего. Я успокоился... – Отец снова налил и выпил. – Вот... Новый директор меня из галереи попер. Я все ждал, что какой-нибудь умник обнаружит подделку, но никто ничего... – Он взял в руки Кандинского. – Так-то их по разным выставкам возили, даже в Москву. Страховали, наверное. Но оказалось, что твой батя так хорошо рисует, что даже ни у одной гниды сомнений не возникло. Искру божью они загасить сумели, а вот мастерство, – он потряс ладонями с распухшими суставами, – его не пропьешь!.. – Засмеялся и снова закашлялся.

На этот раз все было серьезней. Сын два раза давал ему водки, и только на третий она подействовала. Новый приступ окончательно лишил старика сил.

– Скорую вызвать, батя?

Отец отрицательно замотал головой. Он ослаб, на него было больно смотреть. Белое, как у покойника, лицо, синие губы и красные, налитые кровью, глаза.

Эдуард, всплывший вдруг сыновней любовью, отвел его на кушетку, прикрыл одеялом и заботился как мог: то протирал лицо смоченным водой грязным полотенцем, то им же обматывал. Бегал то открывать, то закрывать форточку – на улице морозило.

– Дай водки, Эдька, – пролепетал, наконец, пациент, еле шевеля губами.

– Да куда тебе, батя?!

– Дай! – прошипел тот.

Сын мигом бросился, вылил остатки из бутылки и подал ему кружку.

– Колбаски, газировки, может?

Старик скривил рот в ответ и залпом опустошил посудину. Допинг дал ему немного сил. Он, кряхтя, поднялся на локтях и принял полусидящее положение, упершись спиной на засаленную покраску стены:

– Сядь...

Эдуард поспешно подставил стул и присел.

– Я умру, наверно, скоро...

Сын замахал руками, открыл рот возразить, что рано, мол, что поживешь еще.

– Дай сказать! – сердито упредил его отец. – Забери все... Это теперь твое. Продай здесь или... Там... Я знаю, у тебя получится. Живи хорошо и вспоминай меня не как ничтожество, а как мастера, настоящего художника... Настоящего, которому просто не повезло...

Он говорил медленно и плавно, чтобы снова не закашляться, так как понимал, что на этот раз это может убить его окончательно.

– Что еще? Учить тебя не буду, сам в этой жизни ничего не понял... – Он ухмыльнулся, потом посерьезнел. – Да... И матери про это не говори, – кивнул на картины. – Она, сам знаешь, вряд ли поймет... Достань еще бутылку. Видел, где они? В столе. Поставь тут на пол, открой и иди... Забери все и иди...

– Я останусь с тобой... – Жалость и запоздалое сожаление сжали горло сына. – Можно, папа?

– Папа... – На глаза старика навернулись слезы. – Как давно ты не называл меня так... А помнишь, сынок, ты приходил ко мне и сидел, смотрел, как я работал? Я еще сердился, дурак, когда ты шумел, и ты сидел тихо и только сопел, сопел, как... – Он не смог придумать, как кто, вяло махнул кистью жилистой руки и обессиленно закрыл глаза.

– Батя!!! – бросился к нему Эдуард.

– Да живой я, живой... – Тот устало улыбнулся и посмотрел сыну в глаза. – Хотя и жаль... Водку принеси, а потом иди... И да... мать позови... Попрощаться хочу... Виноват я перед ней... – Он вытер слезы. – Береги ее тут, сын... Святая она у нас...

– Я посижу с тобой...

– Нет... Иди уже... Забирай свое барахло и иди... Мне поспать надо... – Старик закрыл глаза и уснул или сделал вид.

2

– Валера, твою мать! Где опять дырокол?

Противный голос соседа по кабинету вывел следователя Огурцова из приятного задумчивого оцепенения.

– Ах да, да... – Он, кряхтя, вынул свое грузное тело из-за стола и, доковыляв на затекших ногах до коллеги, протянул вдруг понадобившийся тому прибор.

– Сколько раз говорить?! Взял – положи на место! – прошипев гневно, выхватил тот аппарат. – Взял – положи! – Яростно пробил дыру. – Взял – положи! – Еще одну. – Что тут, бля, сложного?

«Эх, залепить бы тебе меж белесых глазенок, – подумал Огурцов, оценивая боксерским взглядом крепость куриной шеи воспитателя. – Интересно, летальный исход наступил бы в результате отрыва головы от туловища или по причине раздробления ее о стену?» У него даже сжался правый кулак, но он не стал экспериментировать, а просто вздохнул и вернулся на место. Ссориться, а тем более драться, с зятем начальника управления ему никакой выгоды не было, тем более за полгода до пенсии.

Капитан Купосов, или, как его все называли, Купорос, будучи почти вдвое моложе Огурцова, находился в том же звании, что и он, но вел себя как главный, всем своим видом показывая, что в их кабинете временно. «И станет ведь, сучонок, генералом», – залюбовался Огурцов эффектно согнутой фигурой вдохновенно пишущего коллеги.

А у него вот карьера не сложилась. Все рано ли поздно покидали эту проклятую комнату, а он уже девять лет сидит тут за одним и тем же столом и все еще простой следак. Он рассеянно глянул сквозь ржавую решетку на лихо приземлившегося на оконный отлив голубя. А ведь был и он когда-то молодым горячим, боевым опером РОВД громил хазы и малины, начальство уважало, женщины любили. Но вот однажды не рассчитал. При задержании насильника несовершеннолетней выбил тому восемь зубов одним ударом. Все было в рамках закона, при оказании сопротивления, при свидетелях и все такое, но вот незадача – оказался тот племянником тогдашнего секретаря Горкома. Маньяка ненадолго посадили, дядю за небдительность слегка наказали, а его после этого перевели в управление. Повысили вроде, но последний раз. Вот и сидит он с тех пор в этом кабинете без движения, расследует.

– О чем мечтаешь, Огурцов? Чтобы висяки сами рассосались? – вновь подал голос сосед. – Арнольд Васильевич сколько будет ждать отчет по кондитерской фабрике?

«Да какое твое собачье дело, сопляк? Сиди строчи свою курсовую...» – подумал капитан. *(Все знали, что Купорос учится заочно в юридическом и с позволения тестя использует для этого рабочее время.)* А вслух сказал:

– Окстись, Виталич. На прошлой неделе сдал.

– Да ну? Что-то не верится, – окинул его подозрительным взглядом коллега. – Спрошу ведь.

«Вот, ублюдок собачий, с утра самого приперся и сидит, как редбка, безвылазно, – Огурцов в очередной раз потрогал горлышко бутылки в ящике стола. Уже пол-одиннадцатого. Жутко хотелось отхлебнуть, но в присутствии этого стукача он не решался. – Поработать и в самом деле, что ли? Может, время быстрее пойдет?»

Он закрыл и отложил в сторону папку с делом о пропаже автопокрышек из восьмой автоколонны, над которым любил сидеть по утрам, и, повернувшись к сейфу, открыл грязно-зеленую дверцу.

«Како-о-ого хре-е-ена?» – жалобно проскрипела та. Это его, как всегда, позабавило.

– Ты когда сейф свой долбанный смажешь? – сосед уставился в него своими крысиными глазками. – Заколебал, в натуре. Рапорт, что ли, на тебя подать?

«Интересно, успею я свалить отсюда до того, как этот хорек начальником отдела станет, или?..» – подумал Огурцов и заглянул в туго набитое папками нутро нарушителя тишины. Там у него все было в порядке. На верхней полке всяки ждали отправки в архив, на средней красовались свежие дела, на нижней – ни то ни се.

Капитан взял папку со средней полки, совсем тонкую – дело завел только позавчера, по происшествию на Лосянковском болоте. Он невольно поежился, вспомнив холодный ливень, заставший их на осмотре места происшествия. Там экскаватор при прокладке дороги к вновь построенной турбазе «Волна» вывернул вместе с грунтом человеческий череп. Бдительные строители прекратили работы и вызвали милицию. Молодой участковый с помощью рабочих провел тщательные раскопки, собрал из костей полный скелет, нашел обувь, остатки одежды и рюкзак несчастного. Два яйца одинакового размера: одно предположительно золотое, другое из неизвестного желтого сплава, найденные им в мешке, вызвали у него подозрение, что смерть их хозяина, возможно, криминальна, и побудили вызвать на подмогу бригаду из областного следственного управления.

Огурцов порылся в ящике стола, достал фотографии с места происшествия: отпечатанные и принесенные ему вчера – и стал разглядывать. «А зря наорал я на парня, – вспомнил капитан, как наехал на участкового за то, что тот вытащил их из тепла под ливень. – Совершенно верно он все сделал». Чутье сыскаря подсказывало ему, что дело это будет громким и, возможно, подарит ему очередное звание перед пенсией. Он снял трубку и набрал три цифры.

– Лидочка, приветик, – прозвучало неожиданно ласково из его срубленной топором головы.

Ему ответили, он заулыбался, обнажив желтые зубы. Собеседница его, судя по всему, была особой словоохотливой. С минуту он слушал, кивал и только вставлял:

– Да ты что?.. Не может быть... Надо же...

– Занимать служебный телефон для личных разговоров строго запрещено, – ядовито заметил Купорос и добавил с важным видом: – Мне по двойному убийству звонить должны.

– Ладно, Лида. Потом расскажешь... – поморщился Огурцов. – Тут начальник один звонка ждет. Я что звонил-то: как там с моим паспортом?.. Да-да, моченый с утопленника... Готово? Молодчина! Спасибо... Как-как, говоришь, Горизонт? Ага, спасибо огромное... В обед зайду. Пока.

Капитан откинулся на спинку стула так, что тот чуть не развалился окончательно. Ну, конечно же. Как он мог забыть? Вот ведь, старый осел... Все мозги пропил. Яков Серафимович Горизонт, директор художественного музея. Пропал без вести года три назад. Уголовное дело возбуждали, когда его зам обнаружил пропажу самого ценного, что было в экспозиции, – золотого пасхального яйца. Да, лечиться пора... А дело это он недавно видел.

Он поискал на средней полке, достал зеленую папку, открыл. Ну да, вот фотка этого жульмана, вот ксерокопия яйца с какого-то буклета, вот сам буклет. Тогда он объявил Горизонта во всесоюзный розыск, дело же не показалось ему явным глухарем, поэтому он не стал сдавать его в архив и не ошибся... «Эх, глотнуть бы сейчас да покурить...» – капитан поднял взгляд на соседа. Купорос что-то сосредоточенно писал и уходить, похоже, не собирался.

Сыщик снял трубку телефона и снова набрал лабораторию.

– Лидочка, а что с яйцами? Тоже готово? Ну, ты просто золото...

С того конца провода ему стали что-то говорить, а он слушал и удовлетворенно кивал.

– Опять! – как кобра, подняв голову от своих бумаг, зашипел сосед. – Сколько можно просить!

– Я по делу разговариваю, – резко перебил его Огурцов, – с экспертом-криминалистом.

– Ли-идочка, что с моими я-яйцами? – передразнил Купорос. – Я по тройному изнасилованию от нее отпечатки уже две недели жду, а этому все мигом. Может, мне тоже яйца ей свои дать полизать? А, Огурцов?

– Что?!

Это было уже слишком. Лида-криминалист – вдова убитого бандитами Сереги Парфенова, капитанова друга. Недавно появившийся в их отделе Купорос мог, конечно, этого и не знать, но что это меняло? Огурцов необычно резко для своей комплекции выскочил из-за стола, мигом оказался перед наглецом и, поймав за горло, замахнулся огромным кулаком. Тот сжался в испуге, закрыл глазенки. Но удара не последовало. Капитан вовремя одумался. Убивать не стал, а схватился за книжную полку на стене позади обидчика и рывком обрушил ему на голову. Массивные доски, толстые тома различных кодексов, другие книжки, спортивные кубки, каменный бюст Феликса Эдмундовича, прочая дрянь с грохотом увлекли тщедушного Купороса под стол и погребли там под собой.

– Благодарю Бога, убудок, за спасение! Ты только что второй раз на свет родился! – все еще дрожа от гнева, прохрипел капитан, поняв по возне под столешницей, что его оппонент жив. – Выведешь меня еще раз... погибнешь, как пить дать, сука шелудивая!

Пнул стол и выбежал из кабинета.

По гороскопу Огурцов был бык. Могучая двухметровая фигура, широколобая, всегда немного наклоненная вперед голова на короткой мощной шее и упрямый взгляд маленьких, широко посаженных глаз тоже делали его слегка похожим на это грозное домашнее животное. Ну и характер... Тельцов, как пишут в книжках, вывести из себя очень трудно. Нужно, по крайней мере, очень постараться. Купоросу это удалось. Капитан бродил по бесконечным коридорам управления и все никак не мог успокоиться. Наконец, ноги сами принесли его к кабинету

эксперта-криминалиста. Он толкнул дверь, вошел и рухнул на стул, приставленный к столу, заставленному разной высоты стопками папок.

– Валерочка, как хорошо, что ты пришел! – Сидящая за ним изящная, невысокого роста, в меру накрашенная капитан Парфенова не заметила его возбужденного состояния. – Правильно сделал, что не стал ждать обеда. Я сижу и думаю, кому позвонить, а тут ты. Представляешь...

Она, не отрываясь глядя ему в глаза, стала рассказывать, какой конфуз приключился с ней по дороге на работу, без малейшей передышки перескочила на свежайшие только что полученные от секретарши начальника новости, потом принялась обсуждать проделки своих домашних животных. Через четверть часа под воздействием ее милого воркования Огурцов полностью успокоился и взбудораживший его инцидент с Купоросом стал казаться ему мелким и незначительным.

– Представляешь, Буся съела все из своей миски и только стала подходить к Мусиной, как та сразу проснулась и давай ее отгонять. Та бежать, она за ней... Такой переполох устроили. Ты бы видел... – Аккуратный ротик криминалистки не закрывался ни на секунду.

Форма ее несколько не портила. Даже наоборот, Лида как-то умудрялась выглядеть элегантно в угловатом милицейском мундире. Он поглядел на ее миловидное лицо и подумал: «Когда же уже ты станешь старой, некрасивой и перестанешь меня мучить?»

Эта женщина всегда нравилась ему очень. Тянулось это еще с милицейской школы, где они вместе учились. Там, кроме него, мечтали о ней многие, но опередил всех и взял красавицу в жены его друг. Огурцов никогда в себя как в любовника не верил, поэтому порадовался за него и даже как будто бы вздохнул облегченно. Однако вскоре Серега трагически погиб, и капитану пришлось начинать все сначала.

Тогда он был моложе, красивее и, хоть в ловеласах не числился, к женщинам подход знал, но вот с Лидой... Работали в одном управлении, часто виделись. В ее присутствии он всегда был как бы в ударе – шутил, балагурил, болтал на любые темы, но как только решался начать про свои амурные дела, язык его деревенел, голова пустела, нападали сомнения и страх. Сознавая, что надо двигать дело, что может снова опоздать, он тем не менее все тянул и тянул, откладывая серьезный разговор. Давно прошли все требуемые приличиями траурные сроки, давно уже было можно, он понимал, что надо, корил себя за трусость, но все никак... А на вечере ко Дню милиции однажды, будучи прилично выпивши, возьми вдруг да и выложи все и сразу. И так это у него грубо, неловко получилось, что женщина не смогла не отказать. Потом пожалела, но было уже поздно – больше капитан этот вопрос никогда не поднимал.

И вот шли годы, они оставались хорошими друзьями, она жила с кошками, а он один, совсем.

– Ну ладно, Лидок... А как Горизонт мой, или как его там? Отпечатков пальцев на его горле не обнаружила?

– Какое там, – улыбнулась женщина, образовав на щеках очень симпатичные ямочки. – Может, и были какие-то, но за три года, извини, Валерочка, все стерлись. По телу или вернее по скелету, что нам достался, могу сказать только, что у хозяина его имелся приличный сколиоз и не доставало по полтора пальца на каждой из ног, что бывает обычно после ампутации, при обморожении например.

– Да, да. Это есть в деле как особая примета: отсутствие фаланг на пальцах ног. Значит, мы имеем того самого настоящего Якова Серафимовича, и паспорт, разумеется, тоже его. Отлично... А с яйцами что? Почему они у него в сумке лежали, а не были подвешены на положенном им месте?

– Как, как? – не поняла сначала криминалистка. – Фу, Валера!.. Какой ты пошлый!..

– А что? Чтобы три года от меня скрываться, кенту нужны были крепкие яйца.

– А ну прекрати сейчас же! – Лидочка сделала недовольное лицо.

– Да, да, извини. Больше не буду... – поморщился Огурцов, подумав: «Может быть, и хорошо это, что я не круглые сутки с этой моралисткой рядом».

Потом спросил:

– И все-таки?

– Ну... Яй... Тьфу! Ювелирные изделия эти полностью идентичны по форме, но сделаны из разных материалов. Одно – из золота высокой пробы и бриллиантов, другое – из позолоченного серебра и, по-видимому, фианитов. Я не эксперт в ювелирных делах, но первое изделие, судя по всему, подлинное пасхальное яйцо знаменитой фирмы «Фаберже», а второе фальшивое. Подделка неплохого качества, но несколько лет в болоте она не выдержала: позолота слезла, эмаль потрескалась, камушки из алмазной сетки повывапали, ну и остальное сам видел. Еще я заметила, что копия лишена некоторых трудоемких деталей, орнаменты значительно упрощены, огранка фианитов совсем другая, чем у бриллиантов, а вот клейма скопированы очень тщательно и выглядят совсем как настоящие. Да... и вес, вес один и тот же. То есть я думаю, что перед падением в болото весили эти яй... изделия абсолютно одинаково.

– Ну что ж, спасибо, Лидок. Теперь понятно... что ничего не понятно, – почесал затылок капитан. – Версия только одна и все та же.

– Какая?

– Одно яйцо было его родное, а второе наш подозреваемый сделал для равновесия.

– Тьфу на тебя, Валерка. Тебе бы только шутить. Человек, работник искусства погиб, а тебе все хихоньки да хаханьки.

– Что искусства – тут ты права, – согласился он с ней, поднимаясь со стула. Вот только какого?.. Ох, чую, удивит еще всех нас искусник этот...

Капитану жутко не хотелось идти в отдел, но он сделал над собой усилие и повернул в родной коридор. Купороса в кабинете не было. Рабочее место его было по-прежнему разгромлено, хлам с полки так и валялся на полу, лишь кем-то поднятые кубки испуганной кучкой толпились на столе, и голова главного чекиста сердито глядела на него из их окружения.

– Привет. Что это за на хрен тут произошел? – спросил он у сосредоточенно грызущего ручку старшего лейтенанта Потапова – хозяина третьего стола в их кабинете.

– А я хотел у тебя спросить. Здравия желаю... Пришел, дверь не закрыта, Феликс Эдмундович посередине комнаты, носом в пол...

– А Купороса не видел?

– Нет... Думал, он под столом похоронен, но нет... К сожалению.

– Уполз, гнида...

– И не говори. Хорошего человека точно бы раздавило, а этого...

Зазвонил местный телефон. Потапов лениво потянулся его взять.

– Меня нет!.. – заорал капитан и отчаянно замахал руками.

– Алле... Его нет, Лидия Петровна... Не знаю... Может, у женщины какой-нибудь опять...

– Дай сюда. – Огурцов вырвал у лейтенанта трубку, но опоздал – на том конце провода уже никого не было. Он поднес к носу ухмыляющегося коллеги кулак и начал хмуро набирать лабораторию.

– Какой-то ты злой сегодня, Валеро. – Лейтенант откинулся на спинку стула. – И Купорос, чувствую, тоже твоя работа.

– Ну вот, хреном тебя по башке. – Огурцов знал, что если у Лидочки занято, то это надолго, но продолжил набирать ее номер. – Ты, Потап, молодой еще, а борзый уже, как...

– Парфенова, – ответили с того конца провода.

– Алле, Лидок, что-то еще? Потапыч сказал, что ты звонила...

– Да, Валера, делаю отчет и вспомнила, что забыла тебе сказать, что бумаги во внутреннем кармане, которые лежали вместе с паспортом, – это пять полусотенных купюр, и с ними упаковка от банковской пачки. Удалось даже восстановить номер отделения сберкассы – 114 в Ленинском районе. Вот. А еще я вспомнила, что вчера ко мне приходила соседка насчет Муси...

– Спасибо, Лидочка. Ты мне очень помогла, – перебил ее капитан, ему хотелось поскорее покинуть место преступления, и слушать ее истории – не было времени. – Завтра расскажешь, а сейчас, извини, мне нужно бежать.

Он положил трубку и выскочил из кабинета.

3

Отец умирал еще месяц, но Эдуард больше к нему не приходил – не звали, и сам не рвался. Отец, возможно, был бы не прочь пообщаться с сыном в свои последние дни, но мать возражала. Она колола умирающего опиумом и опасалась, как бы сыночек не узнал про это, случайно не попробовал и не стал бы наркоманом. Этого ей только не хватало. Эдуард спрашивал ее пару раз, как у отца дела, она отвечала, что все нормально, и на этом разговор заканчивался. Старик свою миссию выполнил, и сейчас интересовал его мало. Все мысли новоиспеченного миллионера были поглощены привалившим богатством и как его конвертировать в шикарную жизнь. В Союзе превратить ворованные произведения в деньги, конечно же, было невозможно, но он об этом и не думал. С ними его давнишняя мечта покинуть совок получала всегда недостающую ей экономическую составляющую. Выехать за бугор, вывезти картины, реализовать их там и на вырученные доллары жить припеваючи – такой стала его программа на будущее.

Эдуарда с раннего детства тянуло к искусствам. Ища, к каким больше, он перепробовал многое: занимался танцами, лицедействовал в театральном кружке, рисовал и даже пару месяцев постигал скрипичное дело в музыкальной школе. Однако, не смотря на определенные способности, успехов ни в чем этом, достичь не смог. Брался за дело он, как правило, с энтузиазмом, но, дойдя до этапа, когда требовались организованность и трудолюбие, резко охладевал.

Дисциплины не хватало, да и утруждать себя мальчик не любил. Все мальчишки и девочки вокруг, сбившись в отряды и дружины, самоотверженно учились, трудились над собой, пытались стать полезными обществу, а он жил по своим правилам, ставя во главу угла свою персону и ее потребности. Нормы и устои, усердно вдалбливаемые советской пропагандой в умы молодого поколения, в его мозгах не оставляли никакого следа. Он упорно не хотел становиться винтиком социалистического механизма, но жить как-то надо было, и с годами эгоист приспособился, правда, не поступился своими принципами, не стал самоотверженным и трудолюбивым, а просто научился жить, используя окружающих или, проще сказать, на них паразитировать.

Наибольшую нагрузку, разумеется, несла спина его матери. На ней лежала вся домашняя работа: стирка, уборка, готовка, а кроме того, и добывание денег. Отец мало интересовался делами семьи, все, что зарабатывал, тратил на себя, а она трудилась на две ставки в школе – учителем математики, физики и черчения, а вечерами еще и подрабатывала уборщицей в межшкольном учебно-производственном комбинате. Наряду с ней донорами стали друзья-товарищи, подходящих кандидатов в которые он безошибочно определял в окружающей его толпе, подчинял и умело эксплуатировал. А уж когда созрел для половых отношений, к ним добавились еще и подруги-любовницы.

А женщинам Эдуард нравился. Самки всегда были падки на все яркое и необычное, а он выделялся из общей серой массы, и еще как.

Во-первых, он всегда красиво и модно одевался в фирменные тряпки. Они безупречно сидели на его высокой, тощей, прямой, без малейших признаков сутулости, фигуре. Походка его выглядела небрежной, но одновременно, возможно из-за прежних занятий танцами, легкой и красивой. За движениями чувствовалась уверенность в себе и своем внешнем виде.

Во-вторых, он тщательно следил за собой: чистил зубы, умывался, своевременно давил прыщи. Растительность на его лице вследствие неизвестных причин была развита слабо, но он все равно каждый день брился, после чего мазал лицо заграничным кремом и душился французским парфюмом. Особенно он заботился о своих густых длинных волосах красивого светло-коричневого цвета. Модник их периодически мыл и укладывал в парикмахерской. И было за чем. По отдельности черты лица его не блистали совершенством: щеки были слишком пухлыми, нос крупноватым, глаза навывкате с ранними мешками под ними, веки чересчур массив-

ными, уши торчали, маленький рот и вдавленный подбородок создавали впечатление недоразвитых. Но пышные волосы все это чудесным образом объединяли – и получалась в общем миловидная картина.

Которую иногда только портили некрасивые зубы. Мелкие и жутко кривые, они, когда вылезали на свет божий, делали своего хозяина похожим на какого-то кровососущего инопланетянина. Для профессионального красавца, разумеется, это было неприемлемо, поэтому он решил эту проблему, научившись никогда не улыбаться, не смеяться, и говорил мало, тихо и порой из-за едва раскрываемого рта неразборчиво.

Это стало частью следующей причины его успеха у женщин. Загадочная серьезность и немногословность в совокупности с его фирменным невозмутимым бесстрастным взглядом производили на них убийственное впечатление. Про серьезность и немногословность понятно, невозмутимость же объяснялась тоже очень просто. Он имел плохое зрение, а очками пренебрегал, так как считал, что они ему не идут. Поэтому, когда общался, не отрываясь смотрел в то место, где, по его мнению, у собеседника глаза, и не реагировал на мимические нюансы, отражающиеся при разговоре, так как попросту их не видел.

Ну и необходимость выживать во враждебной среде развила в нем изрядную сообразительность и гибкость ума. Когда живешь в стаде, думать не надо, а когда не хочешь подчиняться его законам, приходится хитрить и изворачиваться. Эффективно паразитировать на других нужно уметь. Пока его одноклассники зубрили алгебру и обществоведение, он изучал их и как ими манипулировать.

Годам к шестнадцати, уже полностью освоившись в мире развитого социализма и поняв его законы, он решил, что для дальнейшего процветания ему совершенно необходимо высшее образование. Для этого в выпускном классе ему пришлось взять себя в руки, мобилизоваться, поставить на уши матушку, прочих помощников, чтобы окончить школу с более или менее посредственными оценками и подать документы в институт. Архитектурный. Сразу поступить не удалось – срезался на экзаменах. Но не пошел, как все, в армию, а, откосив из-за плохого зрения, устроился там же на кафедру лаборантом. Год он провел с пользой, завел необходимые знакомства и на следующий поступил.

Учиться с его ленью и необязательностью было сложно. Пару лет он разными правдами и неправдами проучился, но потом из-за пропусков и плохой успеваемости вылетел. Проболтавшись год, как-то восстановился. Еще полтора семестра с горем пополам протянул, накопил хвостов и, не дожидаясь отчисления, перед самой сессией свалил в академку по состоянию здоровья. И сейчас, пока стройные ряды местных архитекторов терпеливо ждали, когда он, наконец, в них волеется, наслаждался свободной жизнью.

– Бли-и-ин, ковыряй шустрее... А то щас прямо здесь насуу. – Леха, державший в руках четыре пакета с пивом, чувствовал, что один из левой руки выскальзывает, но на заплыванный пол подъезда ставить не решался.

– Ссы, грязней не будет.

Замок заедал, нужно было нащупать ключом капризную железячку внутри него, нежно поддеть и повернуть. Чем Эдуард и занимался уже минут десять. За дверью надрывно лаял его пес Арчибальд, а высунувшаяся из противоположной квартиры соседка Матвеевна за этим всем с интересом наблюдала.

– Здорово, Эдварт, – кивнула она, едва он на нее оглянулся.

– Хай, старая. Че вылезла? А ну исчезла!

– Фу ты... Подумаешь... – Ехидная улыбка на ее заплывшей жиром физиономии сменилась на презрительную. – Сказать просто хотела, что к тебе тут две проститутки какие-то приходили.

– Когда?

– Да пошел ты! – Матвеевна выразила отношение к неучтивому соседу имитацией плевка и захлопнула дверь.

– Вот, клизма старая... Кто же это мог бы быть? А, черт! – Ключ снова повернулся в пустую.

– Бля, сколько уже лет маешься, а все не поменяешь свой замок долбаный! – Леха скрестил ноги в надежде облегчить страдания.

– До тебя все нормально было. А, а, а... Ну-ка, ну-ка... А, крыса! – Неуловимая пружинка наконец попала, Эдуард повернул ключ, замок открылся, толкнул коленом дверь.

В образовавшуюся щель пуль выскочил и понесся на улицу Арчибальд, а Леха, бросив кульки под порогом, метнулся в сортир.

– Поаккуратнее там... Мать вчера прибиралась.

Кухня и в правду содержалась хозяйкой в церковном порядке, если не обращать внимание на недавно брошенную кем-то в раковину тарелку. Эдуард, погремев в шкафу, достал две пустые пятилитровые банки, принес к себе и поставил на пол.

Его небольшая комната выходила на просторную лоджию. У одной стены стояла полутораспальная кровать, застеленная выдавшим виды покрывалом. У другой – кресло с деревянными подлокотниками. Над ним висел шкафчик-полка с книгами и всякой всячиной, среди которой сразу бросались в глаза установленные на первом плане пачки из-под фирменных сигарет «Кэмел», «Мальборо», «Кент» и «Пэл Мэл». На шкафчике яркими этикетками, что здесь живет не простак, свидетельствовала коллекция фирменных бутылок и жестяных пивных банок. Экспозиция была покрыта благородной пылью, так как убиравшейся в комнате матери после того, как она грохнула один из экспонатов, прикасаться к ним было строжайше запрещено.

Эдуард подошел к тумбочке и открыл крышку установленного на ней проигрывателя «Вега-002». Вертак отечественного производства, но высшего класса, о чем свидетельствовали нули в названии. Хозяин его любил музыку, разбирался в ней и считался в обществе продвинутым меломаном. Он поднял с пола свой дипломат, открыл и, порывшись, достал конверт с крупно напечатанной на нем ушастой физиономией. Аккуратно, за краешек, вынул пластинку, положил на диск проигрывателя и нажал на пуск. Пластинка завертелась. Он стер с нее пыль специальной бархатной тряпочкой и опустил тонарм. После характерного потрескивания нервно заиграл джаз-банд.

В комнату вошел Леха с пивом. Лицо его светилось радостью, как это бывает обычно у любителей перед предстоящей выпивкой.

– Чик Корреа... Музон – колбаса! – Эдуард сделал громкость на полную и забил воображаемыми палочками по барабанам. Басы забухали, высокие засвистели, любезничавшая на перилах балкона пара голубей-гомосексуалистов в панике разлетелась.

– Охренел, Эд! Убавь... Соседи же...

– Какие соседи? Толян на работе. Матвеевна у глазка дежурит. А других я не знаю и знать не хочу, – ухмыльнулся барабанщик, тем не менее слегка убавляя громкость.

– Переливать будем?

– Давай.

Леха стал, беря пакеты по очереди, обрезать у них углы и сливать пиво в банки.

– Обэхэээса на них нет! – возмутился он, когда закончил, показывая на едва полные емкости. – Покупали двенадцать, а получилось девять.

– Пойдем обратно отнесем, – нарочито серьезно предложил Эдуард.

Оба заржали, вспомнив, сколько вынесли, когда два часа стояли на жаре в очереди.

– Может, тогда хотя бы неразбавленное? – предположил приятель.

– Это вряд ли. Пены совсем нет. Может быть, тогда хотя бы кипяченой?

– Ага, жди...

Леха сбегал за кружками, поставил их на стол и налил по полной. Они чокнулись и жадно припали к прохладной влаге.

– А-а! Клас-с-с-с! – Допивший кружку до дна Леха вытер рот ладонью. – Пиво – моя религия. Ну и телки, конечно.

Эдуард, за это время осиливший только половину, оторвался от кружки и скривился:

– Хм... Это пиво, что ли? Моча. Вот мы с Малофеевым голландское пили... Баночное. – Он с почтением показал на синюю жестянку на шкафу. – Вот это, чувак, пиво! – Поцокал языком. – Пена мелкая, белая. Стояла, наверно, полчаса... Вку-ус!.. – Он изобразил лицом и руками какой. – А крепкое... Мы вдвоем с одной баночки улетели, как зайцы.

– Понятно, фирма. Все бы отдал, чтобы попробовать, – облизнулся Леха, наливая снова. – А нашего зато много.

Они опять изрядно отпили и пошли с кружками на кухню.

– Да уж... Говорил же, на закуску надо было денег оставить, – почесал голову Эдуард, ощупывая голодным взглядом внутренности холодильника. Там стыдливо прятались по разным углам банка морской капусты, полпачки маргарина и одинокое грязное яйцо. В четвертом углу, нижнем, лежало что-то, завернутое в газету.

– А это что? – указал на него Леха носком ноги.

– Мумие.

– Что?

– Ну, говно такое мышинное. Мать им лечится. Несъедобное.

– Ты пробовал, что ли?

– Нюхал, пахнет вполне соответствующе.

Эдуард без особой надежды открыл морозилку. Там тоже было не густо, лишь монолит смерзшихся насмерть рыб смотрел неприветливо глазом одной из них, а бородой инея вокруг себя намекал, что достать его оттуда будет непросто.

– Рыбное суфле? – неуверенно предложил Леха, с опаской пошатав его пальцем.

– Не-е. Это никто, кроме Арчибальда, есть не сможет. – Эдуард захлопнул дверцу. – Да уж... Сегодня третье... Мать зарплату только послезавтра получит.

– Фигня... Картошку пожарим. Есть?

– Не знаю...

Они заглянули в ящик на полу. Оттуда пахло сыростью и чем-то нехорошим. Леха бесстрашно засунул руку внутрь, извлек на поверхность развесистую мочалку из белых мясистых ростков и рассмотрел на свету.

– Отлично! – обрадовался он, обнаружив в ней несколько грязных сморщенных картофельных рожки. – Через полчаса все будет.

– Что, прямо и пожаришь? Умеешь? – удивился Эдуард.

– А чего тут уметь? Будь спок...

Леха был его старым другом. Вернее не другом, конечно, друзей у Эдуарда быть не могло в принципе. Приятелем, собутыльником, оруженосцем, учеником, помощником, подчиненным – кем угодно, только не другом. Хотя бы потому, что дружба, помимо всего прочего, подразумевает равенство, а его здесь никогда не было.

Познакомились они давно, еще в колхозе после абитуры. Все вновь поступившие тогда перед учебой поехали на картошку. Поехал и Эдуард. С его связями на кафедре он мог, конечно, отвертеться, но не стал – не знал, что там придется работать, да и захотелось нюхнуть студенческой романтики. Первый же день в полях показал ему, как жестоко он сглупил, но обратного пути уже не было. Пришлось решать проблему на месте, и он сделал это в свойственной ему манере – нашел себе работника.

Удивительный деревенский самородок Леха где-то там у себя в Байкаловском районе окончил школу, самостоятельно подготовился и сразу, без всяких репетиторов и блага, поступил в престижный институт. В своей мешковатой одежде и с деревенской прической на бело-брысой голове он был вылитый Иван-дурак из сказки, то же краснощекое, покрытое веснушками лицо и никогда не сходявшая с него простодушная улыбка. Выросший за тысячу километров от цивилизации, он приехал в город учиться наукам и жизни. Это был благодатный материал, из которого можно было сделать что угодно. Не заинтересуй Эдуарда своими агро-способностями, скорее всего, он слился бы с остальным советским стадом, достиг там успехов и был бы счастлив, но ему не повезло или, наоборот, повезло.

Корнеплод собирали парами. Помучившись первый день в дуэте с красивой, но бесполезной в поле Ларисой, на завтра Эдуард выбрал в напарники рукастого Леху и не ошибся – проблемы его сразу же исчезли. Их тандем, в котором Эдуард лишь мешался, легко выполнял немаленькую дневную норму часа за три, и у них оставалось масса свободного времени, в которое Эдуард от нечего делать решил учить напарника жизни. Он был всего на год старше, а разница в опыте между ними была огромной. Леха ходил за новым товарищем с открытым ртом и впитывал, как губка, всю грязь, которую тот с удовольствием в него вливал. Он был очень способным и к концу колхоза из непроходимого деревенщины превратился во вполне приемлемого для студенческой жизни кадра, и даже под руководством учителя успел расстаться с девственностью. Поймите правильно: переспал с вышеупомянутой Ларисой, которую они перед этим до полубесчувствия напоили. А потом, кстати, вместе лечились у Эдуардова знакомого врача, что тоже стало для Лехи полезным уроком.

В институте их сотрудничество продолжилось. Леха, как в колхозе работал за двоих, так и тут ему пришлось учиться и за Эдуарда тоже, а кроме того, стать крупным клиентом его бизнеса. Учился, а ночами должен был подрабатывать, так как присылаемых теткой денег и стипендии на веселую жизнь и на модные шмотки не хватало. Эдуард его за это вводил еще глубже в городскую жизнь. Знакомил с западной музыкой, самиздатовской литературой, альтернативными политическими взглядами на разных «Голосах» и прочей «порнографией духа». Леха вместе с ним бывал на тусовках, встречал там разных модных людей, смотрел, слушал, запоминал. Он учился прилежно, и сейчас его было не узнать: из деревенского простака превратился в модного городского прощельгу, пьяницу, бабника, спекулянта и антисоветчика. Сегодня они встретились попить пивка и поговорить после долгой разлуки. Леха, в отличие от собутыльника, этой весной институт окончил, защитил диплом и после провел три месяца на военных сборах в саперном батальоне. И как только вернулся – сразу к приятелю.

Он вошел в комнату, вытер руки о шторы и поднял банку, налить пива:

– Блин, Эд... Засушил ты своим джазом. Есть что-нибудь попроще?

– Фу, деревня... Учись понимать настоящую музыку, наконец. А! Слышишь? Импровиз пошел... – Эдуард закатил глаза, запрокинул голову и заперевирал пальцами по воображаемой гитаре.

Леха нисколько не обиделся на «деревню», так как, во-первых, все еще не считал это чем-то зазорным, а во-вторых, привык. А импровизация, в самом деле, была неплоха. Он заслушался. За виртуозной гитарой вступило фортепьяно, далее саксофон, барабаны, и, наигравшись, музыканты продолжили тему вместе. Пусть Эдуард прохиндей и тунеядец, но в хорошем вкусе ему отказать нельзя, и Лехе всегда приятно и интересно было пообщаться со старым приятелем.

– Неплохо, конечно, но джаз в Америке сейчас уже никто не слушает, – начал он с умным видом, подавая Эдуарду налитую до краев кружку. – Одни старперы и облезлые негритянки.

– А что слушают? – спросил тот, удивленно подняв брови.

– Панков... Знаешь таких?

– А... Да куда мне? А ты, чувак, смотрю, только что из Штатов. Что это еще за панки?
– Ну как тебе объяснить? Панки – придурки такие... Напьются, обколются и бегают по сцене, орут, плюются, ссат на публику и все такое.

– Ну и что в этом хорошего?

– Ну, не только это. Играют еще, ну и поют. Все прутся от них...

– И ты считаешь, что там все такие же дебилы, как ты, чтобы это слушать вместо джаза?

– Да пошел ты, сам дебил... – Леха высосал кружку до дна и, громко выпустив в атмосферу пивные газы, вытер губы. – Я просто слышал где-то...

– Где? По телеку, что ли? В «Международной панораме»?

– Да, отвянь! Ты любишь джаз, а весь мир панков. Я-то тут при чем? – Он улыбнулся своей фирменной улыбкой и, не дав приятелю ответить, убежал на кухню мешать картошку.

– Вот ты, Леха, вроде не дурак на вид. Штаны у тебя «Лейвис», хаер¹ по моде, а такую лажу гонишь, – возмутился Эдуард, как только повар, вернувшись, показался в дверях.

– Ну вот, завелся. – Тот, смачно жуя, снова налил себе и приятелю. – Сказать ничего нельзя.

– Твой панк – это мусор, говно. Вот дай-ка... – Эдуард повелительным жестом указал на стоящий в углу дипломат.

Сам он предпочитал никогда ничего не делать. Так повелось еще с того колхоза, подавал, наливал, вытирал в их дуэте всегда младший компаньон. В последнее время, правда, Леха, считая, что давно уже вышел из категории воспитуемых, иногда пытался бунтовать, но едва Эдуард начинал функционировать самостоятельно, сразу бросал эту затею. Для него в сто раз было легче, забыв про гордость, сделать все самому, чем смотреть на уродские движения приятеля. Вот и сейчас он молча подал, что приказали. Эдуард, порывшись в портфеле, достал оттуда пластинку.

– На-ка, поставь.

– Секс Пистолс... – прочитал Леха, сверхакуратно, как учили, проделывая все манипуляции с драгоценным диском. – Что это?

– Так вот он – панк твой. Слушай.

Игла опустилась, и из динамиков сразу, без всякого вступления, замолотили ударные совместно с рубящими гитарными аккордами и уханьем бас-гитары. Противный голос надрывно запел-заорал что-то вызывающее, плохо попадая в ноты незамысловатой мелодии. Все вместе звучало задорно. Леха прибавил звук и задергался в такт, помогая рукой со сложенной из пальцев козой. Эдуард наблюдал. Через минуту, как он и предполагал, весельчак не выдержал, прекратил танец, убавил звук и почесал макушку:

– Да, и на самом деле говно. Убрать?

– А что? Пусть... Там еще с другой стороны навалом. Вся Америка слушает. А мы хуже, что ли?

– Да ну, херня какая-то. – Леха поднял звукосниматель.

– Что, не нравится?... А в Америке, думаешь, хуже тебя придурки живут? Нет, братуха. У нас в ресторанах пьяные недоумки «Городские цветы» лобают, а у них Квинси Джонс и Бенни Гудман с оркестрами. У нас «Стены»² еще даже в Москве не найдешь, а у них турне в поддержку диска по штатам уже полгода гоняет. Сорок грузовиков декораций и оборудования. Хоть каждый день ходи.

– Да... «Пинк Флойд»! Все бы отдал, чтоб послушать.

– Будет... Макарон обещал на будущей неделе. Говорит, везут с Одессы партию, десять дисков.

---

¹ Калька с английского hair – «прическа».

² Имеется в виду The Wall – одиннадцатый студийный альбом группы Pink Floyd, выпущенный в 1979 году.

– Блин, Эд, – Леха сложил руки словно у иконы, – проси что хочешь...

– Да запишу, запишу, не ссы. Куда от тебя денешься? Ночь не поспать придется, конечно? Всем надо... Но для друга...

– За мной не заржавеет, ты же знаешь.

– Да уж понятно... Пленку тащи. «Свему» только, «Тасма» головки засирает, не прочистить ничем.

Эдуард гордо взглянул на свой «Окай»³ – недавнее приобретение. Старый советский катушечник он очень выгодно пристроил Лехе. Теперь тот тоже стал меломаном и с помощью друга собирал коллекцию записей.

– Блин! Картошка... – повел повар носом, громко топая, унесся в кухню, а минут через пять вернулся с двумя тарелками. – Вот, мосье, разрешите представить: картошка в стиле панк.

Выглядели блюда и в самом деле не очень. Не помогли даже кучки морской капусты, которыми кулинар пытался их украсить.

– А что черное такое? Мумие, что ли, положил? – спросил Эдуард, критически приняв хиваясь.

– Блин... А я еще думаю: что забыл?.. Но ничего, можно сверху покрошить.

Леха достал из заднего кармана два прибора. Один положил перед приятелем, другой взял себе, налил всем пива и плюхнулся на кровать.

– Вот как ты думаешь, чувак, почему негры сами черные, а зубы у них белые? – задумчиво спросил Эдуард, внимательно изучая поднятый на вилке блок из пяти пригоревших друг к другу брусков картошки.

Леху шутка застала за проглатыванием пива. Он заржал, едва не захлебнувшись.

Юморист снисходительно хмыкнул и, довольный эффектом, отправил кулинарный просчет в рот.

– У Лариски Смирновой такие. Она, наверно, побелевшая негритянка. – Леха нашел в своей тарелке похожий артефакт, подровнял его, вставил в рот за верхнюю губу и спел, скосив глаза и оттопырив уши пальцами: – Шанни, ай лав юю...⁴

Пока он веселился, товарищ съел уже половину своей порции, потом подцепил вилкой что-то белое и спросил с брезгливым выражением лица:

– А это что за перхоть?

– Яйцо – не узнаешь, что ли?

– Нет, чувак, я с твоими яйцами, к счастью, не знаком.

– Да нет, мои на месте. Это – твое, то, которое ты в холодильнике хранил.

– Й-о-о!.. Как посмел? Чем я теперь размножаться буду? – пропищал Эдуард, изображая кастрированного, чем вызвал новый приступ смеха.

– Я дам тебе одно потрахаться, у меня два.

Так за шутками и прибаутками незаметно пронеслось время. Парни поделились новостями, обсудили сплетни, рассказали кого, как и сколько раз за то время, пока не виделись, поимели. Раз по десять покурили на балконе, и где-то постольку же раз сбегали в туалет. Пиво кончалось, в голове шумело уже прилично, но полного морального удовлетворения все не наступало.

– А ты ведь, чувак, теперь с учебой своей окончательно разделался? – спросил Эдуард с хитрым видом.

---

³ Имеется в виду катушечный магнитофон Akai.

⁴ Калька с английских слов *suppy, I love you* – «солнышко, я тебя люблю». Имеется в виду строчка из песни *Sunny* от *Boney-M*.

– А то?! Все... Копец... Дипломированный промдизайнер и лейтенант запаса! – Леха три раза ударил себя в гордо выпяченную грудь.

– А что молчишь?

– Как это?

– Ну, что скрываешь такой вопиющий факт?

– Так ведь весь день об этом тарыхтим.

– Да ты что?.. А я вот только сейчас понял, что отмучился ты навсегда.

– Не говори, чувак, а до меня все еще до конца не дошло, – покачал головой новоиспеченный специалист, разливая остатки пива.

– Так ты счастлив? А, чувачелло?

– Ну да, – отвечал Леха, недопонимая, к чему клонит приятель.

– А раз так, то надо отметить это знаменательное событие.

– А... Конечно. – Леха схватил налитые до чуть более половины кружки, одну протянул товарищу, другой собрался чокаться. – Давай за то, чтобы...

– Э-э... Не-е-ет, чувак... Пивом такие вещи не делаются, – перебил его Эдуард и, придав суровое выражение лицу, погрозил пальцем. – А то не видать тебе быстрого карьерного роста и длинноногой секретутки.

– А чем еще? Денег же нет... И лавки уже закрыты, – недоуменно развел руками дипломант.

– Да-а... Положение тухлое. – Эдуард сделал вид, что задумался не на шутку. – Ну что ж, тогда придется прогнуться для друга. Где мой чумадан?

– Так вон же он...

Потертый пластиковый дипломат – орудие спекулянта – стоял у кресла справа от хозяина, как всегда. Не поднимая его с пола, коммерсант щелкнул замком, открыл, засунул руку в образовавшуюся щель и извлек на поверхность большую прямоугольную бутылку.

– Вуаля...

– Ух ты, коньяк, – открыл рот от восхищения Леха.

– Какой коньяк, деревня? Уиски Джони Уолкер, одна из лучших марок. У нас не продается. Из-за бугра привезли.

– Класс!.. Штатовское? Джони, как ты сказал?

– Ирландское, деревня! Уиски Джони Уолкер, – повторил Эдуард, тщательно артикулируя. Он уже несколько месяцев изучал английский, поэтому внимательно следил за произношением.

– Уолкер... Нет, не пробовал. Дай посмотреть.

– А ты, вообще-то, уиски когда-нибудь пробовал? – спросил его приятель, бережно передавая сосуд.

– Ну, виски пил. – Леха с благоговением посмотрел на микроскопическую бутылочку 0,125 на шкафу, которую товарищ когда-то дарил ему на день рождения, вынудил открыть, содержимым поделиться, а тару сдать в музей. – А уиски еще не разу... Так и тут написано «Виски», что ты мне голову морочишь? – обнаружил он на напитке знакомую надпись.

– Елы-палы... С кем я связался? Кантри непроходимое. Написано «Виски», а читается «Уиски». Что ты только на уроках английского делал?

– Спал, что еще на них делать? Сам же помнишь нашу англичанку. Она разрешала. Хочешь – учи, не хочешь – не учи язык вероятного противника, – простодушно отвечал Леха, рассматривая бутылку на свет. – Трояк все равно поставила. И что ты предлагаешь с этим уиски делать?

– Да вот не знаю. Макарон попросил продать по дешевке. Деньги очень нужны, говорит.

– Сколько? – насторожился Леха, сразу уразумев, к чему были все предыдущие разговоры.

– Пятьдесят, – зарядил Эдуард, но, увидев ужас в глазах клиента, добавил: – Но я доворюсь за сорок.

На самом деле отдать поставщику нужно было четвертной, но законы бизнеса не позволяли ему торговать без наценки.

– Да ну... Дорого. Куда в жопу. За самогон какой-то такие деньги.

– А мне помнится, ты пел тут соловьем, какой изысканный вкус.

– Да я и не понял ничего в тот раз, если честно.

– Так вот, сейчас и не упusti свой шанс, село. Тем более я чирик добавлю, с тебя только тридцатник.

Эдуард знал, что у запасливого паренька деньги есть, и нисколько не сомневался в успехе своего предприятия.

– А что чирик только, а не половину? – робко поинтересовалась жертва.

– Вот ты гнилой чувак! – Коммерсант слегка обиделся. – Ты же промдизайнером и кем-то там еще запаса стал, а не я. И потом прекрасно знаешь, что я маг в долг взял. – Он снова посмотрел на свой «Акай». – Тебе же, между прочим, «Стену» и все такое писать.

Леха заколебался. Выпить, конечно, хотелось, тем более из такой красивой бутылки. Но расстаться за это с тридцатью рублями его деревенскому уму было сложно.

– Да и нет у меня. Последнее собрал, к тебе шел. Получка еще когда будет... – Помимо учебы, он успевал подрабатывать еще грузчиком и сторожем. – Три месяца воевал, не работал.

Тогда Эдуард решил пойти с туза:

– А зря, – он протянул руку за бутылкой, – Верку бы позвали. Она, наверное, уже дома...

Верка – смазливая соседка с шестого этажа, была женой одного из Эдуардовых клиентов. Муж ее трудился заместителем директора какого-то заводика, дни и ночи пропадал на работе, а она числилась домохозяйкой и в основном болталась без дела. Лехе она жутко нравилась, и это был удар ниже пояса.

– Ох, не знаю... Если Макарон подождет до получки, то, наверно... – задумчиво почесал он затылок.

– Не ссы, я добазарюсь, подождет... Только вот цену бы не поднял... – снова закинул было удочку Эдуард, но, заметив набегающую на лицо собеседника тучу, поспешно спохватился: – Но я из своих добавлю, так уж и быть... – И в нетерпении потер ладонь об ладонь. – Открывай.

– Ух ты! Класс! – Контракт был подписан, сомнения и сожаления унеслись прочь, вечер продолжался. – Как открывать-то? Просто крутить?

– Ну да. Целлофан отковырай, крути и наливай уже.

Леха, дрожа от волнения, словно это были трусы любимой девушки, снял с горлышка пластиковую обертку, открутил пробку и занес бутылку над еще не просохшей от пива кружкой приятеля.

– Стой! Ты что творишь, кантримэн? Помой сходи... А, нет-нет... погоди... – Эдуард неспешно поднялся, важно проследовал в комнату матери, достал из серванта хрустальные фужеры, принес и поставил на стол. – Вот из чего нужно пить уиски.

Леха налил, они взяли бокалы в руки. Эдуард встал, жестом пригласил приятеля последовать его примеру и, секунды три посообразав, начал:

– Ну что? Вот, дескать... Это самое, пацан. Когда-то, давным-давно, подобрал я тебя в колхозных землях, по которым ты, облаченный в крестьянские рубища, метался в поисках истины... Прошли годы каторжного труда и ювелирной работы. И вот передо мной красавец запасной лейтенант в модных джинсах. В руках его бокал благородного уиски, а в кармане диплом промдизайнера. – Оратор с умилением оглядел смущенного товарища и вытер пальцами якобы набежавшие слезы. – Давай, братан, за тебя. Чтобы все у тебя получилось в жизни, как я задумал.

Они чопорно чокнулись, выпили и закусили остатками картошки из Лехиной тарелки.

– Как тебе, чувак? – спросил Эдуард, усиленно зажевывая.

– Хорошее, – ответил Леха, хотя на лице его было написано обратное. Благородное уиски очень напомнило ему теткин самогон, на котором он вырос. – Коньяк и рядом не лежал.

– То-то же... Хотя, вообще-то, уиски не закусывают, конечно, а пьют со льдом.

– Как это?

– Ну, кладут в стакан кубики льда и сидят сосут потихоньку через соломинку, беседуют.

– Давай. – Леха приподнял было зад бежать в кухню, вспомнив, сколько льда и снега намерзло там в морозилке.

Но приятель его остановил:

– Не стоит. Я пробовал так однажды на парти⁵ у Ясиновича. Выдали всем по стакану на весь день рождения. Тоска... Безо льда тоже можно. Наливай.

Они снова налили, выпили, закусили морской капустой и вышли на балкон покурить. Леха достал остатки своего «Космоса» и протянул приятелю.

– Что? Как можно, запасной лейтенант? После уиски нужно курить сигару. Ну, или в крайнем случае... Принеси-ка мой кейс. – Леха сбегал за дипломатом, Эдуард достал из него пачку «Мальборо». – В крайнем случае... Пятерка. Берешь?

– А давай, – махнул Леха рукой. – Гулять так гулять.

Они закурили. Несмотря на десять вечера, было еще довольно светло. Пустырь, простирающийся под их балконом, как ему и положено, был пуст. Ограничивающая его с правой стороны улица, застроенная деревянными одноэтажными домишками, тоже пустовала, лишь на крыльце продовольственного магазина спал какой-то субъект, да неподалеку от него на заасфальтированной площадке под зажегшимся уже фонарем суежилась собачья свадьба. Обязанности жениха в описываемый момент исполнял Арчибальд, которому для соития с гораздо более высокой невестой пришлось забраться на обломки валявшейся там же бетонной балки. И то, чтобы доставать, нужно было передними лапами подтягиваться, а задними подпрыгивать. Это давалось ему с трудом, что в подробностях отражалось на его сосредоточенной морде. С пониманием относясь к его проблеме, партнерша стояла смиренно. Остальные же претенденты нетерпеливо бегали вокруг и, дожидаясь своей очереди внести свой материал в генофонд популяции местных дворовых псов, возбужденно лаяли.

– Ты, кстати, Веру обещал пригласить, – вспомнил Леха.

– А... точно. – Эдуард, недолго думая, высунулся за перила и, сделав руки рупором, закричал куда-то вверх: – Вера... Вера Евгеньевна, у вас соли нет случайно?

Ответа не последовало.

– Ве-ера Евге-е-еньевна-а-а-а, со-о-оли у вас нету? – нестройным хором повторили они призыв уже вместе.

– Гандон штопанный вам не надо, козлы? – отреагировал один отзывчивый сосед.

– В жопу соли щас врежу, если не заткнетесь, – другой.

А Вера Евгеньевна признаков жизни не подала.

– Нет ее дома. Малофеев до понедельника в командировке, так, видать, бродит где-то, – махнул рукой Эдуард.

– Давай сходим, в дверь позвоним... – не унимались в Лехином организме разбуженные Арчибальдом инстинкты.

– Да погоди, попозже сходим. А сейчас разговор у меня к тебе есть. Серьезный.

– Серьезный... – Леха щелчком отправил чинарик далеко в кусты. – Давай... Ненадолго, надеюсь. – И прошел на свое место.

---

⁵ Калька с английского party – «вечеринка».

Эдуард тоже, закрыв за собой дверь. Что при стоящей на улице жаре выглядело интригующе. Они выпили еще по порции, и он начал:

– Уезжаю я, чувак.

– Куда?

– В Америку.

Приятель, жевавший в это время капусту и прикидывавший в уме, какого цвета могли бы быть волосы у Веры в промежности, после такого ответа подавился и закашлялся.

– Куда, куда?

– Ты глухой, что ли? В Америку. За бугор.

– Чего вдруг? Надолго?..

– Навсегда.

– Ух ты!

Леха сверлил взглядом голову друга и старался понять, шутит тот или серьезно. До этого они много раз говорили на эту тему. Вернее говорил в основном Эдуард, а он слушал. Тот спал и видел, как покинет страну-тюрьму и заживет в свободном мире. Но всегда это было в сослагательном наклонении, всегда лишь намерения, и вот сегодня они превратились во что-то конкретное. И на этот раз, похоже, все было взаправду. Эдуард в свою очередь тоже смотрел на товарища не отрываясь, словно пытаясь прочесть его мысли.

– Хочешь со мной? – спросил он.

– Конечно, – без малейшего раздумья ответил тот.

И это было странно. Сам Леха к своей стране никаких особенных претензий вроде бы не имел и в их спорах с приятелем-антисоветчиком всегда держал ее сторону. Ну, подумаешь, пиво разведенное и жрать нечего, телевизоры черно-белые и всего две программы по ним. Зато здесь все друзья, родственники и все равны в своей бедности. А у них там империалистические хищники безжалостно эксплуатируют трудящихся, и у тех поэтому нет никакой уверенности в завтрашнем дне. Его железобетонные аргументы были почерпнуты из телевизора и институтских лекций по научному коммунизму, а Эдуардовы эфемерные непроверенные – из подпольных радиопередач, десидентских разговоров и ярких западных журналов. И вот как-то так получилось, что при конкретном испытании первые мигмом потерпели позорное поражение.

Эдуард был сам удивлен. Он думал, придется уламывать патриотичного приятеля, а тот вдруг раз – и без всяких согласился.

– Хорошо подумал, отставной лейтенант? Сразу предупреждаю: обратной дороги не будет.

– Подумал. Давай рассказывай, что там у тебя. Потом еще подумаю, – включил Леха крестьянскую осторожность.

Эдуард секунд пять жег его испытующим взглядом, потом попросил:

– Достань тогда сьюткэйс⁶ из-под кровати.

Леха встал на четвереньки, пошарил рукой в щели между кроватью и полом и, нащупав там железную ручку, вытянул за нее новенький чемодан.

– Открой.

Отцепил щеколды и открыл. Внутри лежал какой-то сверток.

– Что это?

– Положи на кровать.

Положил.

– Кейс спрячь.

---

⁶ Калька с английского suitcase – «чемодан».

Леха метким пинком вернул чемодан на место. Эдуард встал с кресла, подошел и принялся аккуратно снимать газеты. Под ними оказался рулон. Он раскатал его по покрывалу, поднял лист кальки, защищающий верхнее полотно, и спросил, лукаво улыбаясь:

- Что видишь, чувак?
- Красотищу, – глянув мельком, оценил промдизайнер.
- А точнее...
- Ну... Пожар на птицефабрике.

Произведение и в самом деле поражало необычными сочетаниями цветов. Леха провел по нему пальцем:

- Ты, что ли, намалевал?
- Кандинский, деревня!
- Да ну? То-то, гляжу, что-то знакомое. Сам, что ли?
- Сам, своей собственной рукой.
- Да ну тебя... – Леха потянулся к бутылке, налить.
- Бля... И чему только вас в вашем институте учат?
- Да, согласен. Ничему. История искусств – две пары в неделю и то только три семестра

была. А так в основном политэкономия и научный коммунизм разный.

- То-то и видно... Ну да ладно, это, в конце концов, неважно.

И Эдуард подробно рассказал приятелю все про отца и про музей. Леха, рассеянно листая полотна, слушал, не перебивал.

– И так, – подытожил оратор, – в этой куче шесть произведений великих авангардистов. Все подлинники. Каждая лимон долларов стоит. Они принадлежали государству, которое сломало жизнь моего отца. Его талантом могли бы быть сотворены шедевры не хуже. Поэтому я как наследник считаю себя вправе забрать их себе как компенсацию... Часть компенсации за... Ну, ты понимаешь... Короче, вывозим за бугор – одна твоя.

4

– А одна – моя... – В проеме раскрытой в комнату двери стояла Вера – соседка.

– Чего?! – Лицо Эдуарда побледнело, он вскочил с кресла.

– Я тоже еду, и одна картина – моя. – Девушка шагнула в комнату и по-деловому села на кровать рядом с Лехой.

Пока Эдуард гневно вращал глазами, подбирая выражения, его товарищ радостно протянул соседке руку:

– Вера, привет. Ты как здесь?

– Сами на весь двор орали, меня позорили. Вот я и пришла, чтоб заткнулись. Звонок уже год не работает. Толкнула – дверь открылась. Прохожу, Эдька так интересно рассказывает. Заслушалась, мешать не стала, сам знаешь, как он всегда психует, когда его перебивают. – Она невинно улыбнулась и положила на столик два яблока и шоколадку в авоське. – Вот, соли вам принесла. Годится?

– Ты что, дверь не закрыл, ишак?! – набросился Эдуард на приятеля.

– От ишака слышу! – окрысился тот, в присутствии дамы мгновенно превратившись из покладистого оруженосца в гордого соперника. – Я-то при чем? Сам же последний заходил! Эдуард был взбешен.

– Бля! – гневно бросился он в кресло.

«А я-то уж совсем ни в чем не виновато...» – обиженно проскрипело то, едва выдержав удар его острого зада.

– Вот ведь ты какой, Эдька! Сам все время звал: поехали да поехали. Что жизнь, мол, прожить надо Там, чтобы не было мучительно больно, и все такое. А как до дела дошло – в кусты, – перешла в наступление девушка, улыбаясь так обворожительно, что любой бы растаял. – Можно, кстати, посмотреть? – кивнула она на шедевры.

Вера была красивой женщиной, и это являлось ее основным и, можно сказать, единственным талантом. Всего остального от Бога ей досталось средне. Средне способностей, средне здоровья, средне удачливости. Красота обычно дается людям впридачу с глупостью. Здесь же и ума вышло тоже средне. То есть для совершения революции, скажем, в физике – маловато, а для того чтобы осознавать свою привлекательность, приумножать разными ухищрениями и уметь ловко ей пользоваться, – достаточно. Она ценила свое восхитительное тельце, холила, лелеяла, наряжала, красила, завивала тщательно, своевременно, столько, сколько было необходимо, и, может, даже больше. За это оно служило ей верой и правдой, никогда не подводило, и ценителей у красотики было всегда предостаточно. Их стадом она научилась управлять еще в детсадовском возрасте, а к текущим годам это умение уже превратилось в настоящее искусство.

В ее фан-клубе был полный порядок: все чинно и благородно, каждый знал свое место, понимал предназначение и приносил пользу в обмен на причастность к красоте и пусть призрачную, но надежду на нечто большее. Понимая, сколь важна на таком скользком пути добрая репутация, к телу своему девушка допускала крайне редко. Это бывало обычно как вознаграждение за что-то экстранеобходимое, как награда за многолетние заслуги, либо же как расплата за поражение в столкновении с каким-нибудь супершустрым ловеласом (случалось и такое). Основная же масса влюбленных так и оставалась ни с чем. Она динамила их годами. Муж ее Малофеев, упомянутый выше, также в этой области никакими особенными привилегиями не пользовался, имел счастье сношения с ней почти на общих основаниях и тоже лишь за нечто сверхъестественное. Понятно, давно завел себе партнершу попроще и пропадал обычно не на работе, как говорил, а у нее. Вера догадывалась об этом, но не печалилась, так как ей было до лампочки, где он и с кем, лишь бы работал и обеспечивал ей приличное содержание.

Эдуард тоже давно барахтался в этих сетях. Нельзя сказать, что был влюблен, но желание познакомиться с устройством интимных органов красавицы имел преогромное. В силу уже перечисленных выше причин своей привлекательности для противоположного пола, он сумел выделиться из толпы соперников, добился особых соседско-панибратских отношений, но похвастаться свершившимся актом все никак не мог.

Он перевел взгляд от ярко-зеленых глаз соседки на место, где соединялись ее красивые ноги, соблазнительно обтянутые модными джинсами, подумал: «Ну, теперь-то она мне точно даст». И нехотя разрешил:

– Смотри уж. Что теперь с тобой поделать?

Вера кивнула Лехе, тот стал полотно одно за другим поднимать, а она, пересев поближе, с интересом рассматривать.

– Вы не поверите, мальчики, а я ведь была зимой в музее этом. Зойка-товаровед позволила – сапоги финские привезли. Я рванула, хотела успеть до обеда, но куда там... Трамваи встали. Приезжаю – уже все закрыто, а на улице минус тридцать. Что делать? Смотрю, напротив через дорогу музей. Зашла – погреюсь, думаю. В кассах холодище, еще хмыри какие-то курят, а внутрь вход – рубль. Жалко. Вдруг откуда-то сбоку из двери дед выползает, лет сто. «Мужчина, почему билеты такие дорогие?» – спрашиваю. Он меня увидел, костыль за спину спрятал, усы распустил, выгнулся, как морской конек. «А прэлэстных барышэнь, – говорит, – бэсплатно пускаэм». Провел, все показал, даже к себе в кабинет на чай затащить пытался. Еле отбилась. Брр...

Леха заржал. А Эдуард спросил:

– Работает, что ли, там?

– Заместитель директора по какой-то там части... Имя запоминающееся... что-то типа Бенциан Афиногенович, Афиноген ли Бенцианович, не помню точно... Телефон записал на бумажке. В любой момент дня и ночи звони, говорит, гамадрил старый.

– Телефон – это хорошо. Может пригодиться, – буркнул хозяин наследства.

– Да ладно, Эд, кончай дуться. Вера – нужный человек. Пусть с нами едет. Жалко, что ли?

В процессе просмотра красавица слегка касалась бедром Лехино плеча. Тот разомлел и от этого был полностью на ее стороне.

– Да нет, почему же? За твой счет только. Одна картина – вам. Остальное – мое. Идет?

Лехиной широкой натуре было плевать, а Вера понимала, насколько условен этот раздел шкуры неубитого медведя. Поэтому они почти хором ответили:

– Идет.

– Ну и отличненько. – Эдуард резко повеселел. Он ожидал напряженный торг, а все решилось быстро и к тому же в его пользу: приобрел еще одного бойца (и не только) и остался при своих. – Сразу договариваемся: я главный, вы делаете, что прикажу. – Строго посмотрел он в глаза Вере.

– Я не против, но только если это в рамках приличия, – кокетливо улыбнулась та, натягивая футболку дальше на бедра.

– Да, – вырвалось у Лехи в ее поддержку, – в рамках.

– Фу... А ты-то за что волнуешься? – брезгливо поморщился Эдуард.

– А кто тебя знает... – Тот скопировал жест, которым приятель обычно поправлял прическу. – Власть развращает.

Все заржали. Это разрядило обстановку.

– А что это вы тут пьете такое красивое? – Вера с интересом посмотрела на стол, потом на соседа по кровати.

Тот вскочил и услужливо подал ей бутылку.

– Уиски Джони Уолкер. Я ставлю. Институт закончил. Вот так вот, стал промышленным дизайнером и лейтенантом запаса, – гордо доложил Леха и незаметно придвинулся к девушке так, чтобы касаться ее плечом и бедром.

– Что ты говоришь?.. Ты в институте учился, Сергей? – весьма натурально удивилась та.

До этого они несколько раз так же сидели рядышком на этой самой кровати, болтали, выпивали, и Вера прекрасно знала его имя и что они с Эдуардом были когда-то однокурсниками.

– Алексей, – сухо поправил ее виновник торжества и отодвинулся.

– А, точно... Как я могла забыть. Извини, Алексей.

– Наливай тогда, запасной лейтенант. – Эдуард ухмыльнулся, ему понравилось, как поставили на место молодого, неопытного соперника. – Стаканчик только принеси даме. Да, и спрячь картины, а то еще завалим.

Леха свернул полотна, положил в чемодан и запихнул его под кровать.

– Тебе может быть со льдом налить, Вера? – блеснул он осведомленностью, вернувшись с бокалом.

– У вас и лед есть? – удивилась девушка.

– Не надо никакого льда, – ответил за нее Эдуард. – Это он снег в морозилке льдом называет. Тебе вряд ли понравится.

– Тогда без, Алексей. Спасибо, – улыбнулась Вера.

– Как скажешь, – пожал Леха плечами, наливая.

– За нашу банду. Чтоб вырваться из этого вонючего совка и стать свободными людьми, – провозгласил тост Эдуард.

– И богатыми, – добавила Вера.

Они подняли бокалы, чокнулись и выпили.

Тут в дверь вихрем ворвался Арчибальд – вернувшаяся с работы мать впустила. Он был грязен, вонюч, но безумно счастлив всех видеть. Первым досталось гостям, те глазом моргнуть не успели, как он сходу заскочил на кровать, обступал мокрыми лапами и дружески облизал

сначала Веру, потом Леху. Далее, не обращая внимания на устроенный переполох, попытался перескочить на кресло к хозяину, но в полете был метко сбит ногой последнего.

– Мать! – заорал Эдуард как бешеный. – Сколько можно говорить, держать надо собаку, когда с улицы приводишь!

В комнату крупной рысью влетела пожилая женщина.

– Да разве его поймаешь?

Пес, ничуть не обидевшийся на пинок, уже стоял передними лапами на столе и, жадно нюхая воздух, исследовал его содержимое.

– А ну иди сюда, бесстыдник! Она, держась за спину, склонилась схватить его, но куда там. Террорист, убедившись, что ничего съедобного в комнате нет, ловко вывернулся и так же быстро, как появился, исчез в дверях.

– Здравствуйте, Людмила Ивановна, – дружно поздоровались Леха с Верой.

– Здравствуйте, ребята... Ой, Верочка, дайте вашу кофточку, я быстренько постираю, – предложила она, заметив два бурых следа от Арчибальдовых лап на светлой футболке девушки.

– Не нужно, Людмила Ивановна, это старая домашняя майка. Высохнет – отряхну.

– Давайте хотя бы я соли принесу, посыплю...

– Раньше надо было думать. Все, мать, иди отсюда, не мешай, – раздраженно замахал руками сын, – закрой дверь с той стороны.

– Алешенька... Сто лет тебя не видела. Как дела? Окончил институт? – Леху она любила и уважала за вежливость и трудолюбие.

– Спасибо, хорошо, Людмила Ивановна. Окончил. Вот только вчера со сборов вернулся. Стал дипломированным дизайнером и лейтенантом запаса, – в очередной раз похвастался тот.

– Вот молодец какой! Не то что мой лоботряс... Весь язык смозолила уже, говорю ему, учись...

– Все, мать, вали давай. – Эдуард вскочил, взял старушку за плечи и начал выпихивать из комнаты. – Мешаешь... Давай, давай...

– Вот ведь какой, – шла она, виновато улыбаясь, – даже поговорить не дал...

– Потом поговоришь. – Сын подвел ее к проему, выдавил дверью и закрылся на шпингалет. – Заколебала.

– Фу, как ты с матерью разговариваешь? – возмутилась Вера.

– Да, – поддержал ее Леха, – она тебя вырастила...

– А ну, заткнулись! Не ваше дело, – грубо перебил Эдуард.

– Да, конечно... – пожал плечами запасной лейтенант.

Всем налил, и они молча выпили.

– В общем, так, – дожевывая яблоко, прервал Эдуард неловкое молчание. – Я все продумал. – Окинул всех взглядом. – Линяем через Кубу. Покупаем путевки...

– Чего? Какие путевки? За границу... С дуба рухнул? – перебила его Вера. – Знаешь, какая очередь за ними? Мой два года меня куда-нибудь свозить обещает. Никак. Глухо, как в танке. В конце прошлого дали во Францию две путевки на завод. Так директор ездил и слесарь-передовик какой-то. Машка-секретарша его после этого чуть руки на себя не наложила.

– А ты что перебиваешь?! – Эдуард впился в нее раздраженным взглядом. – Я спросил тебя, что ли?

– Кончай, Эд. Что уж, слово нельзя вставить? – вступился за девушку Леха. – Мне вот, может быть, тоже интересно, кому мы там, на Кубе, нужны со своим добром?

– Вот, еще один, сука, умник! – И без того вытаращенные глаза докладчика от возмущения вылезли из орбит почти полностью. Он открыл рот добавить еще что-то, вообще обидное, но остановил себя. Пожал плечами и махнул рукой: – Да что я, в самом деле?!.. Все. Идите в задницу... Никуда не едем... Завтра я отнесу всю эту хрень в ментовку – и разбежимся.

– Ну ладно, ладно... Какой ведь обидчивый, – засмеялась Вера, грациозно вскочила с кровати, обхватила его голову руками и, прижав к своей груди, томно выдохнула: – Извини... Больше не буду.

– И я не буду. – Леха, скопировав выражение ее лица, попытался выполнить тот же маневр.

– Что за козлы и козлихи! – завопил Эдуард, правда, уже не так сердито, не подпуская его к себе одной рукой и вцепившись в девушку другой. – Я совершенно серьезно, а они...

– И мы серьезно. Да ведь, Лешка? – Вера вырвалась и прыгнула обратно на кровать.

– Конечно... Какие могут быть игрушки? – сосед плюхнулся рядом.

– Еще раз, последний, повторяю: я говорю – вы слушаете, приказываю – делаете. Ясно? – спросил командир, строго поглядев на Леху.

– Угу, – буркнул тот и занялся изучением этикетки на бутылке.

Эдуард еще какое-то время посверлил взглядом его макушку, ругнулся и продолжил знакомить банду со своими планами.

– Ну так вот. Как я уже сказал, берем путевки на Кубу. В разную там Болгарию, Венгрию на мне нужно, в капстраны, как справедливо заметила наша подруга, пробиться нереально. Но, – он поднял вверх палец, – есть Куба, Остров Свободы. Туда очередей нет. Во-первых, дорого, во-вторых, пожить там пролетариям, кроме сахарного песка и солнечного удара, нечем. А с ноября по февраль в сезон дождей – так и последнего тоже не получишь. В общем, пробиться можно. Про две путевки я с Забелецким уже почти договорился.

– А Лехе? – подала голос Вера.

– Нам с Лехой... А ты, раз на хвост упала, сама договаривайся. Я вас познакомлю – и крутись, как говорится. Хотя, думаю, проблем у тебя с ним не будет. – Эдуард нехорошо ухмыльнулся. – Это тот еще бледоящер.

– Понятно. – Девушка брезгливо поморщилась. – И что это за кадр такой?

– Забелецкий-то?.. Вениамин Самуилович, большой человек, килограммов на триста потянет, наверное. Заместитель директора нашего «Спутника». Эти вот штанишки на тебе – его. – Коммерсант показал взглядом на расшитые цветами джинсы девушки. – Хорошо устроился кабан, зарплату рублей пятьсот получает, ездит везде на халяву, да еще и подфарцовывает. Вот и за путевочки переплатить придется...

– Сколько? – напрягся Леха.

– Потом... Детали потом... Итак, далее... Вылетаем из Москвы. По пути самолет делает посадку в Лондоне... – Он сделал многозначительную паузу. – Там и выходим.

– Как это? – не понял Леха.

– Очень просто. Техническая остановка для дозаправки. Всех высаживают в аэропорту Хитроу. Ну, пописать там, покакать. Все идут в уатерклозет⁷, а мы бежим без оглядки к ближайшему полисмену и просим политического убежища. Ясно?

– Как это... убежища?

– А вот так, убежища, притом политического. Падаешь на колени и молишь спасти от позорной жизни в совке. Они добрые, может, пожалеют.

– А если не пожалеют? – почти хором спросили с кровати.

– Не сыте... Всех жалеют, всех берут. Забелецкий говорит, на Кубу эроуплэин⁸ полупустым прилетает.

– Как это? А кагэбэшники куда смотрят? Почему это все не прикроют?

– Забелецкий не знает. Может, говорит, они агентов своих так внедряют, а может, специально дыра такая сделана для отребья всякого, типа нас с вами.

---

⁷ Калька с английского water closet – «туалет».

⁸ Калька с английского aeroplane – «самолет».

– Интересно, – хмыкнула Вера.

– Самому интересно, но Забелецкий говорит, там даже гэйт⁹ специальные сделаны. Ворота – по-нашему. И чуть ли не табличка висит: «Беглецы – сюда». Он летал и говорит, чуть сам за всеми не сквозанул. Только одумался вовремя, вспомнил, что его и тут неплохо кормят.

– Надо же... И что, так и ломанемся? С картинками под мышкой? – скептически усмехнулась Вера.

– Или?.. – Леха сделал заговорщическое лицо и скосил глаза на соседку, причем на низ ее живота.

– Нет, я думаю, не влезет туда столько, да и найдут сразу... – не дрогнул ни одним мускулом лица Эдуард. – Первым делом туда сунутся.

– А вдруг влезет? Надо попробовать, – продолжал дурачиться приятель.

– Чего такое? – не поняла Вера. – Куда не влезет.

– Во влагалище к тебе предлагает засунуть отставной лейтенант, – совершенно серьезно отвечал Эдуард.

– Нет-нет, я не это имел в виду, – поспешно заотпирался парень. – И, вообще...

– Ах вот ты какой пошлый, Сергей! – Вера сердито посмотрела на него. – Прикидываешься божьей коровкой, а сам... А ну-ка, отодвинься. – Она брезгливо оттолкнула его от себя. – Давай, давай... Дальше, дальше...

– Алексей, – пробубнил тот, отодвигаясь.

– Чего?

– Алексей, меня зовут Алексей...

– Алексей?.. Не-ет, Алексеи так себя не ведут. Я буду звать тебя Сергей, пока не искупишь свой мерзкий поступок. – Она демонстративно отвернулась.

– Ну ладно, девушки, не ссорьтесь. – Эдуард в душе порадовался разрушению наметившегося было альянса. – Другие предложения есть, как провезти контрабанду?

– В жопу ему засунуть, – злобно предложила обиженная девушка, кивнув на приунывшего промдизайнера.

– Ну все, хватит. Он уже и так наказан. – Доводить приятеля до ручки в планы главаря банды тоже не входило. – Итак... Нет больше предложений?.. Тогда слушайте мой вариант. Забелецкий говорит, что шманают там сурово, с собаками и рентгеном. В его рейсе, говорит, человек десять даже в самолет не пустили, прямо в Москве скрутили. Значит, прятать надо хорошо. – Он поднял палец вверх и оглядел подельников взглядом, полным глубокомыслия.

– К тебе, что ли, в жопу? – робко предложил Леха и сразу испуганно втянул голову в плечи.

Вера не выдержала, прыснула со смеха, Эдуард продержался пару секунд дольше и тоже заржал, прикрывая рот рукой.

– Ну, ты даешь, Серж, – вытер он слезы, навеселившись. Обратился к девушке: – Вот умеет же иногда... Может, переименуем его обратно в Леху?

– Ладно, – согласилась та. – Но пусть знает, что это ему большой, – она строго взглянула на помилованного, – большой аванс.

– Можно пододвигаться обратно? – спросил тот с надеждой.

– Нет. Сиди пока там...

– Нет, не сиди, а встань и достань-ка нам снова тот кейс. – Эдуард показал пальцем под кровать.

– То спрячь, то достань... – Ворча, Леха сполз на пол, зачихал руку под кровать и извлек на свет уже знакомый чемодан.

---

⁹ Приблизительная калька с английского gates – «ворота».

– Много бессонных ночей провел я, ломая голову над вашей проблемой, фрэнды¹⁰, и нашел этот простой и гениальный способ. – Заметив, что застежки не закрыты, Эдуард ловко поддел носком ноги крышку – и чемодан распахнул свое клетчатое чрево.

– Ух ты? В чемодане? Оригинально... Вряд ли там будет кто-нибудь искать, – восхитился Леха.

– Да, хитро... – поддержала его Вера. – До этого еще никто не додумывался.

Они переглянулись и засмеялись.

– Я рад, что попал в такую остроумную компанию, – прервал атаман веселье контрабандистов, – но вы меня не дослушали. Я предлагаю спрятать полотна под обшивку. Они плоские и по размерам подходят...

– Двойное дно... Неплохо придумано, но, к сожалению, не тобой... В прошлом веке, если не ошибаюсь, еще старик Крупский так возил свои газеты, – перебил его Леха, ехидно улыбаясь.

– За что был пойман и посажен в Шушенское село, – добавила Вера.

– Вот ведь спелась... Прямо Тарапунька и Штепсель какие-то, – снова начал сердиться Эдуард, – слова сказать не дают...

– Ладно, ладно... Молчим. – Девушка показала кулак соседу по кровати. – Так плоские, говоришь? Это интересно...

– Именно, плоские и размерами как раз с наш кейс. Я исследовал его устройство. – Эдуард показал ступней на изрезанный угол крышки. – Дерматин, плотный картон, какая-то бодяга и бумага... Сечешь, о чем я, чувак?

– Ну, допустим, – предположил недавно испеченный промдизайнер, задумчиво ковыряясь пальцем в чемоданной ране. – Но как сделать это аккуратно? Чтобы никто не докопался...

– А погляди-ка, что написано вот на этой бумажке. – Эдуард ткнул большим пальцем ноги в приклеенную к углу этикетку.

– Чебоксарская кожгалантерейная фабрика имени Первого мая... Не-е-ет! – все понял Леха.

– Не не-е-ет, а да-а, – дошло и до Веры. – Ну ты голова, Эдуардик! Там наверняка разные чемоданы делают, может, и покрасивее есть.

– Какие еще Чебоксары... Да вы что? Да ни за что! – выгнулся Леха.

– Можно, конечно, и в Чебоксары... – Эдуард сделал театральную паузу. – Но есть такая же фэктори¹¹ и в нашем городишке. Название только посмешнее – «Красная кожевница». И, согласно висящему на ее заборе объявлению, кожевницы ей требуются позарез, ну и кожевники, конечно, тоже.

– 4.

Эдуарда в последнее время мучила бессонница. Давило привалившее вдруг богатство. С вечера, обычно после принятого алкоголя и утомительных дневных хлопот, он засыпал хорошо, но как только у матери в комнате кукушка на часах отмечала четыре, просыпался и больше уснуть не мог.

– Вот ведь, надо же, часы помешали, – сокрушалась мать, глядя на с корнем вырванную из своего жилища птичку. – Двадцать с лишним лет спал, не слышал, а тут раз – и... А нервный какой стал в последнее время... От безделья бесишься, Эдка. Учиться, учиться тебе надо срочно. Институт оканчивать...

Но проведенная той ночью варварская операция не помогла. Кукушка погибла, а дело ее осталось.

---

¹⁰ Калька с английского friend – «друг».

¹¹ Калька с английского factory – «фабрика», «завод».

Вот и сегодня он, как всегда, проснулся в четыре, сходил отлить, попить водички из крана и, потрогав на обратном пути чемодан под кроватью, залез обратно в постель. Поворочался с боку на бок, перевернул подушку. Все бесполезно, спать больше не хотелось. В открытую балконную дверь сквозь дым из труб сталелитейного завода таращилась чумазная луна. С пустыря веяло прохладой и доносились звуки ночной жизни представителей скромной северной фауны.

«Эдуард, Эдуард, Эдуард...» – квакала совсем не издалека какая-то земноводная.

«Стервец, стервец, стервец...» – вторил ей хор неких членистоногих.

«А что это вдруг стервец?» – начал он вспоминать события прошлой попойки. Наоборот, все клево было. Бухнули, поплясали даже. Верка, правда, снова не дала, но зато он ее до пояса раздел и даже пару раз в трусы рукой залез. Раньше она ему такого не позволяла... К тому же виски и сигареты удачно толкнул. В голове его закрутились колесики встроенного калькулятора: «Так, так... Пятерка да трояк... Восемь рябчиков наварил... Голова разве что побаливает, но ничего, пройдет... Самое главное – дело сдвинулось. Команда складывается вроде неплохая. Будут пахать, как бобики. Все нормально, похоже, хотя посмотрим, что на трезвую голову скажут. Особенно этот колхозник может сдриснуть. Да нет... Так повезло лаптю. Такая халява. Никуда он не денется. А Верка? Ну вот что так ломаться? Видно же, что самой хочется, аж трусы дымятся...» Он вспомнил шелковистые волосы у нее на лобке и узкую скользкую щель, в которую сумел-таки засунуть палец. Цель была так близка, но... эти проклятые джинсы! Одному их всяко не снять. И зачем он только их ей подогнал, и, главное, почти без наvara...

Леха проспал всю ночь без сновидений в одной позе, как убитый. Проснулся от боли в затекшей спине. Голова и подушка были мокрые от пота. С трудом разодрал веки. В комнате оказалось душно и жарко, но он не торопился вставать хотя бы для того, чтобы открыть окно. Глядя на грязно-желтое пятно на потолке, начал вспоминать, что вчера натворил. Хотелось понять, откуда у него это ощущение сделанного чего-то ужасного, непоправимого.

– Ё-ё!.. Точно... Пойло у этого сквалыги покупал... Конечно, вот осел! Тридцать рублей за какой-то самогон американский... И сигареты – пятерка... Тридцать пять!.. – Ему стало до слез обидно. – На Верку меня развел как лоха. Вот ведь ушломан... Блин! Я и Верку еще за сиськи хватал! – Из памяти всплыло, как танцевал с красавицей медляк и от избытка чувств залез ей под майку. Потрогал левую щеку. Та слегка побаливала.

– Правильно. Так мне и надо... Вот я ишак! – Добавил себе еще изо всех сил ладонью по лбу. – Скотина, как выпью – урод уродом!

Полежал еще минуту. Вроде покаялся, но облегчения не приходило. Вечер помнился ему отрывками, и он чувствовал, что на дне самого большого провала памяти лежит еще что-то, еще ужаснее всего этого: «Что же, блин?»

Встать не хотелось, но было надо. Собравшись с духом, он резко сел на кровати.

– Ё-ё-ё-ё-ё-ё!!! – Вместе с острой головной болью пришло воспоминание о самом главном. Он рухнул обратно и обхватил голову руками. – Бли-и-н!!! На что же я вчера подписался?!..

Сначала на него напала паника. Восанный с молоком матери ужас перед Уголовным кодексом схватил за сердце ледяными лапами. Стремление немедленно бежать в милицию вновь подняло его, и он даже успел спустить на пол одну ногу. Но новый приступ головной боли отрезвил. Вспомнились подробности их разговора. «Если эти картины никто не ищет, значит, они ничьи...» А Вера? Его тайная любовь и мечта, такая желанная и недоступная красавица вчера была совсем рядом, так близко... Он закрыл глаза, сжал правую кисть и снова почувствовал в ней волнующую упругость под бархатистой кожей и сосок, такой крупный и твердый... «Если наступчу на них – никогда такое не повторится, и я никогда ее больше не увижу...»

Леха продолжал размышлять уже сидя, закрыв лицо ладонями. Что он теряет? Ну, во-первых, Родину... Что это такое? Убрал руки от глаз и оглядел обшарпанную комнату – снимает у старухи и на свою такую заработает еще нескоро. Во-вторых, родные и близкие. Тут тоже все просто. Родители погибли давно, еще в его детстве. Тетка с мужем, которые его вырастили? Да, им будет это все неприятно, но и не смертельно, у них есть еще двое детей, родных. Что еще?.. Леса и равнины? Березки? Как в кино показывают. Возможно... Но так там тоже что-то будет, наверное, еще и покрасивше даже. Зато... Перед глазами у него всплыли красочные фотографии разных фирменных товаров из немецкого каталога «Неккерман». Эта толстая замусоленная книжка, листов на тыщу, ходила по рукам в их тусовке, и, когда появлялась у Эдуарда, они сидели, подолгу листали ее, изучали, завидовали проклятым капиталистам. А теперь всего этого будет у него, сколько захочется... Если, конечно, все получится.

Он снова похолодел. Вспомнилось, что картины ворованные, и представилось, как ведут его в наручниках по тюремному коридору.

Вера спала дольше всех. Яркая полоса солнечного зайца с обоев в розочку сползла на ее розовое одеяльце, потом на подушку с рюшами и добралась, наконец, до красивого личика. Она открыла глаза и счастливо потянулась. Самочувствие прекрасное. Пила она вчера мало, лишь мочила в ирландском пойле свои изящные губки. А как расслабишься в такой компании? Хотя... почему бы и нет? Она представила себе, как бы все вышло, позволь она этим парням то, что они хотели. В памяти невольно всплыли фотографии из нехорошего шведского журнала, подsunутого ей недавно Эдиком. Рука сама потянулась под одеяло. «А этот Леха тоже ничего, – вспомнила, как он тер своим хозяйством по ее бедру во время танца. – Там у него наверно, о-го-го...» Она мысленно поменяла их с Эдуардом местами: «Ага, так лучше, но чего-то не хватает...» Добавила сзади еще подругу Ленку, как на той фотке, и через полминуты часто задышала и, коротко вскрикнув, перевернулась на бок. «Фу, какая я грязная девчонка», – подумала о себе с восхищением, сладко потянулась и снова заснула.

5

– Здравствуйте, молодой человек! – Низенький, шуплый, но очень бодрый начальник отдела кадров, чтобы поприветствовать нового будущего кожевника, даже выскочил из-за стола. Мужчин на их фабрике не хватало, поэтому представителей сильного пола он обслуживал лично, чтобы его вороны-инспекторши ненароком не упустили какого-нибудь ценного работника. – Очень, очень рад. Капуста Афанасий Григорьевич.

– Алексей... Алексей Сергеевич Морозов. – Немного смутившись таким вниманием к своей персоне, Леха пожал маленькую, но сильную ладонь кадровика. – Вот, хочу у вас работать, – не смог не ответить он на вопросительный взгляд необычно радушно улыбающейся ему физиономии.

– Прекрасно, прекрасно, молодой человек. Такие крепкие парни нам нужны позарез. Сколько лет, девятнадцать... двадцать? Образование какое-нибудь есть? – Начальник уже опять сидел за столом и, нацепив очки, нетерпеливо тянул руку. – Давай, давай документы посмотрим...

– Двадцать два, – только и успел вставить Леха.

– В армии служил? В каких войсках? В волейбол играешь? – Кадровик подпрыгивал уже снова рядом с ним. – Наша команда в прошлом году почетное одиннадцатое место заняла. – Он поднял вверх кривой палец. – В городе... Правда, женская... Ну, давай же, где документы?

– Нет...

– Чего нет? Документов?

– В волейбол не играю.

– А... Это не страшно. Петь умеешь? У нас хор вот такой! – Снова палец, только большой, не менее кривой, но еще и замотанный синей изолентой. – Заслушаешься. Давно просят у меня мужичков на вторые голоса подкинуть. А то у них там только плотник Анисич, семьдесят три года. Не столько поет, сколько девок лапает.

– Пою немного, – соврал Леха, чтобы хоть чем-нибудь порадовать человека.

– Да ты что? Отлично, – донесся до него голос из-под стола, где шустрила уже перевязывал показавшийся ему слабо затянутым шнурок ботинка. – Давай документы-то. – Вылез на поверхность и снова нацепил очки.

– Вот. – Леха положил перед ним паспорт.

– Что? И все?.. Где трудовая, военный билет?

– Нет пока.

– Двадцать два года... Сидел, что ли, екарный бабай? – Кадровик погрузился в изучение документа. – Ничего страшного... Анисич вон три раза там был, так ничего, исправился. Работает примерно, в хоре даже поет.

– Не-е-ет, не сидел, – замотал Леха головой.

– А что? Да нет! – Лицо начальника сморщилось, как будто он наступил на свежую коровью лепешку. – Молодой специалист? Ну, конечно же. То-то мне всю ночь тараканы снились...

– А что уж прямо такого-то? Ну, молодой специалист... – Леха даже слегка обиделся.

– Да нет, ничего... Хотя уж лучше бы старый рецидивист.

– Если так все плохо, может, я тогда пойду? – Протянул руку за паспортом, он так и знал, что ему откажут.

– погоди, погоди... – Лицо начальника выпрямилось, хотя не до конца. – Давай посмотрим, что ли, что там у тебя... Раз пришел.

Леха нехотя достал из-за пазухи пачку бумаг и положил на стол. Кадровик открыл сначала диплом.

– Вот ведь, японский бог, художник-конструктор! Почти отличник... – Он хлопнул себя по лысине. – Как раз такой специалист нам позарез и нужен. Второй год в Минвуз заявки пишем, и что ты думаешь? Дуля! А вот в... – Заглянул в лист распределения. – В Новосибирске, по их мнению, без тебя никак нельзя. Да-а-а... Забыл, как ты по иностранному-то называешься? Дезадорант, что ли?

– Дизайнер, – улыбнулся Леха.

– Ну вот, видишь. Мы даже названия такого модного не знаем, а институт, вас шлепающий, в двух кварталах отсюда. У меня друган там армейский завхозом работает.

– Мокрянский, что ли?

– Вот-вот, Альберт Селиванович... Проректор по АХЧ – и тоже ничем помочь не может... А знаешь, – он собрал документы и выскочил из-за стола, – посиди-ка пока в приемной... Я быстро. С директором посоветуюсь.

И пока «дезадорант» поднимался со стула, кадровика уже и след простыл, лишь «Напоите, девки, мужчину чаем» послышалось из приемной его визгливым голоском и хлопнула дверь.

– Не шеф у вас, девчонки, а комета, – выйдя из кабинета, завязал Леха разговор с одной из кадровиц, что покрасивее.

– Шеф как шеф, – равнодушно ответила ему та, с трудом, держась за большой живот, вылезла из-за стола, взяла чайник и вышла в коридор.

– Да уж, шустрый, как понос. – Вторая, не переставая печатать, посмотрела ей вслед и многозначительно покачала головой.

– Не-е-ет, – не поверил он.

– Вот, так вот...

– Он же старый... Сколько ему, пятьдесят?

– Шестьдесят два.

– Вот это да! Может, не он?

– Он... Сам признался. В следующую субботу свадьба...

– Ну, так все в порядке, значит, – усмехнулся Леха. – Мужик отвечает.

– В порядке-то в порядке, да она у него пятая, и ребенок шестой или седьмой будет... Там алиментов... – Вторая шарахнула кареткой машинки так, что с повядших ромашек на ее столе полетели лепестки. – Да и бросит он ее, дуреху, через год, как пить дать.

– Не бросит, не верьте вы ей. – Первая кадровица с чайником в руках показала в дверях. – Афанасий Григорьевич на нее внимания не обращает, как хвостом не крутит, вот она и злится...

– Ой! Больно надо. – Вторая так резко мотнула головой, откидывая жидкую челку, что чуть не переломила свою тощую шею. – За мной и помоложе парни косяками ходят...

– Да, интересная у вас конторка...

Леха подошел к окну. Освещенная предобеденным солнышком территория фабрики производила благоприятное впечатление. Асфальт был чист, мусорные баки покрашены, то здесь, то там торопясь пробежали опрятно одетые работницы с аккуратно перевязанными косынками головами. Старенький, но бодрый автопогрузчик, по-деловому дымя, тащил куда-то поддон с коробками. Ему навстречу катил грузовик, тоже с коробками, но с другими. Все занимались делом, кроме валявшегося на газоне пса неопределенной масти, но тот имел право – отдыхал после ночного дозора.

– Да уж, – вырвалось у Лехи. Вся эта производственная идиллия была огорожена высоким забором с колючей проволокой по верху. – А что, чемоданы ваша фабрика делает? – зевая, чтобы скрыть заинтересованность, спросил он.

– Чемоданы, сумки, папки, перчатки, рукавицы, ремни, кошельки, партемонеты¹² и еще двадцать два вида продукции пятидесяти пяти наименований, – бодро, как по писаному ответила вторая кадровица, подняла голову от машинки, хитро улыбаясь, поинтересовалась: – Жена, что ли, попросила чемоданчик прикупить? – И, чтобы лучше расслышать ответ, даже перестала шлепать по клавишам.

Запасной лейтенант осмотрел ее крючковатый нос на давно перезрелом лице и решил пока свое семейное положение не раскрывать.

– Да нет, просто анекдот вспомнил.

– Какой? – хором спросили работницы.

– Ну, это... про чемодан. Правда, он не совсем приличный.

– Ничего, мы уже совершеннолетние. Расскажи.

– Да он старый, – решил еще немного поломаться Леха.

– Фигня. Рассказывай.

– Ну ладно. Короче, это... Пришел один хмырь в чемоданный магазин. Ну, ходит там, смотрит, щупает все...

¹² Диалектное.

– Нет таких магазинов, молодой человек, – засмеялась крючконогая, – не бывает... Может быть, он в кожгалантерейный отдел универмага пришел?

– Ну да, да, туда, в кожгалантерейный отдел универмага. Ну и ходит, значит, смотрит... Все нормально так, хорошо... И замечает, что все чемоданы как чемоданы, а один малюсенький, как кошелек, лежит отдельно и стоит в десять раз больше, чем остальные...

– А что? Бывает такое, – снова перебила его слишком умная кадровица. – У нас, например, изготавливаются партемонеты подарочные из натуральной кожи, с тиснением и инкрустацией уральскими самоцветами, так они стоят в три с половиной раза больше чем чемодан дорожный большой.

– Ты заколебала, Нинка! Дай послушать, – прикрикнула на нее первая.

– Да, – добавил рассказчик с некоторым раздражением. – В три с половиной, а не в десять же.

– Молчу, молчу. – Нинка для надежности закрыла рот ладонью.

– Ну и это, значит... Заинтересовал его этот вопрос. Подходит он к продавцу и спрашивает, так, мол, и так, удивительно, почему вот этот большой красивый чемодан стоит сто рублей, а этот маленький сморщенный тыщу.

– Да и цен таких не бывает, – опять не выдержала всезнайка.

– Блин! Да что это такое?! Ты дашь послушать?! – злобно прошипела беременная.

– А что он болтает такое? У нас самый дорогой чемодан восемнадцать рублей стоит, а в других магазинах...

– Это анекдот, дура. Что прикапываешься?!

– Сама дура. Ну, двадцать рублей, тридцать хотя бы, а то сто...

Тут из-под стола послышалось бульканье и повалили клубы пара – вскипел чайник. Это отвлекло работниц от неизбежной схватки. Беременная бросилась выключать электроприбор, а крючконогая готовить чайную церемонию.

– Вам чай с молоком или с сахаром? – спросила она у гостя, внезапно перейдя на «вы».

– С коньяком, – закинул удочку Леха.

– Для вас все что угодно, – кокетливо сверкнув очками, ответила та.

Из угла полилась модная песня – «Соловьиная роща». Крючконогая хищно прыгнула к висящему там репродуктору, добавила громкости и, отмечая довольно объемным для ее узких плеч задом ритм, в танце двинулась к шкафу.

– А что дальше-то было? – опомнилась наливавшая в заварку кипятка первая кадровица, тоже в меру возможностей подергиваясь в такт музыке.

– Где? – якобы уже забыл Леха.

– Ну, где, где. В этом, как его? Кожгалантерейном отделе...

– А... Ну так вот, значит... Спрашивает хмырь у продавца, почему, дескать, большой красивый чемодан стоит, – он взглянул на всезнайку, пытающуюся одновременно танцевать и наливать что-то из бутылки в чайную ложку, – двадцать рублей, а маленький сморщенный кошелек – двести?

– Да, – та победоносно зыркнула на подругу. – Почему?

– «А потому, – отвечает продавец, – что этот кошелек сделан из кожи члена крокодила и, если нужно, при нежном поглаживании превращается в чемодан», – с выражением закончил он и окинул взглядом аудиторию.

Беременная кадровица поняла, в чем суть, и грустно усмехнулась. «Видать, давно не стала кивалась с подобным явлением», – подумал Леха. А крючконогая залилась высоким, похожим на пороссячий визг смехом.

– Ах, так это из крокодильей кожи чемоданы! Такие и в самом деле могут сто и даже двести рублей стоить, – вдоволь насмеявшись, объяснила она причину своего веселья.

На этом месте дверь распахнулась, и в нее с криком «Договорился!» влетел начальник отдела кадров.

– Пошли со мной быстро. – И пробежал в свой кабинет.

– Ну что ж, пока, красавицы, – подмигнул Леха крючконозой и проследовал за ним.

– Все. Берем тебя. При условии, конечно, что запишешься в хор, – погрозил пальцем кадровик. – Не на инженерную должность пока, но так даже лучше. Зарплата выше, и в партию можно без проблем вступить. Ты комсомолец?

– Конечно! – вытянулся рекрут по струнке.

– Молодец... Оформим рабочим в красильный цех, а работать будешь в КБ, у Зои Павловны, нашей главной художницы, этим, как его, дезо... дезойнером. Годится?

– Можно, но, видите ли, товарищ Капуста, вообще-то, я с детства мечтал чемоданы делать. Можно меня лучше в чемоданный цех?

– Хм... Какая разница, где числиться? – Начальник пристально посмотрел на чудака. – Хотя как скажешь, можно и в цех дорожных изделий оформить.

– Этим... Кто чемоданы делает...

– Сборщиком, что ли?

– Вот-вот, им...

– Да ради бога, цех паршивый, там всегда свободно. Зарплату, сразу скажу, высокую дать не могу... Пока сто двадцать, с премией и уральскими будет рублей сто пятьдесят. Согласен?

– Да мне по барабану, – ухмыльнулся Леха, но, тут же сообразив, что, наверное, подозрительно быть таким безразличным к важным вещам, поправился: – Потом-то будет больше, надеюсь?

– А как же... Конечно! – осклабился кадровик. – Все в твоих руках. А теперь, – он посмотрел на часы, – давай садись, пиши заявление, а то скоро обед.

6

Следователь Огурцов не стал ждать расправы за покушение на зятя начальника в кабинете, а решил поехать на место происшествия и побольше раскопать по последнему, как ему показалось, очень перспективному делу. Кто знает, может, поможет на ковре. Он хотел пошарить по окрестностям и попробовать узнать, что делал там покойный с мешком золотых яиц за плечами. Конечно, времени с тех пор прошло немало, но он все-таки надеялся что-нибудь найти.

Капитан катил в своем «москвиче» по пустой дороге и, высунув руку из окна, курил. По радио транслировали легкую музыку, мотор работал ровно, подвеска не стучала, и все бы не плохо, вот только сигарета все время гасла. Либо потому, что была сырая, либо кто-то его вспоминал часто. «Наверно, Купорос как раз тестю про меня докладывает, – вздохнул он. – И что я за баран такой? Ну на хрена было это все творить? Щенок-то обнаглел, конечно. Давно бы следовало его на место поставить, но зачем же руки распускать? Что теперь будет? Уволят, посадят... От них всего можно ожидать.»

После поворота из кустов боярышника вынырнул указатель: «Лосянка 3 км». Он свернул на проселок. Изрытая тракторами грунтовка моментально отвлекла его от грустных мыслей. Отчаянно крутя баранку, чтобы не застрять, он пропахал еще метров пятьсот до места позавчерашней печальной находки и, выбравшись на сухое место, остановился.

Рабочих на участке не наблюдалось. Побросав технику и инструменты, они куда-то смылись. Он поглядел на часы: «Полвторого. Обедать, наверное, уехали. Жаль». Повертев головой по сторонам, неподалеку, возле леса, заметил человека и коров. «Пастух... Наверно, из Лосянки», – обрадовался сыщик и, прыгая через лужи, направился к нему.

– Добрый день, папаша, – протянул руку гревшемуся на солнышке деду. – Ух и погодка сегодня...

– Добрый, добрый, солдатик... – В этот жаркий полдень старик сидел в ватных штанах, телогрейке, а на затылок, обнажая пятнистую лысину, по-дедбельски заломил выдавшую виды ушанку. Он сунул самокрутку в беззубый рот, вытер ладонь о штанину и, лукаво улыбаясь, пожал протянутую ему руку. – Зачем опять в наши трясины?

– А ты что, отец, видел меня уже здесь, что ли? – удивился следователь. В прошлый раз вроде никаких штатских рядом с раскопками не наблюдалось.

– Пошто видел? И так все знают, что из милиции позавчерась приезжали, што шкелета тут отрыли и што золота при нем нашли цельный мешок. – Пастух выпустил облако дыма. – Так зазря только ездите, ищите. Это он сам утоп, никто из наших его туда не спускал.

– А может, я не из милиции? – Огурцов редко ходил в форме и сегодня тоже надел свой любимый, изрядно поношенный, но очень удобный костюм. – Ты что, папаша, телепат?

– Пошто сразу телепат? Так... Имел дела... – ухмыльнулся дед.

– Понятно. Сидел, что ли? Блатной или так, по-мужицки?

– Ой, да тебе зачем, солдатик? Давно это было, давно отсидел, давно искупил и забыл тоже уже давно.

– Да нет... Не хочешь – не говори, твое дело. А почем знаешь, что шкелет сам в болоте оказался, а не ваши это нам его предоставили?

– Так знамо почем... Кому он тут нужен? Шел по болоту на электричку, да и утоп. Ежа ему в портки. Это щас тут ошушают все, дорогу ведут. – Дед показал на застывший в причудливой позе экскаватор. – А раньше трясина была непролазная. А где дорога эта новая будет, гать шла, через болото-то. Старая, почитай, при царе еще ложили... По дороге-то эвон какой крик... – Он, придерживая одной рукой шапку, другой описал замысловатую дугу. – А напрямки вжик – и тама... Гать, правда, худая, склизкая была, и топь вокруг гиблая. Вот

он, болезненный, видать, вечером или, чего доброго, ночью в темноте тут шлепал – и того... Соскользнул или провалился. Может, черепашкой еще того... об бревно. Кто его знает... Так-то тут, если вокруг покопать, дохрена таких шкелетов отрыть можно. Федька кривой, – дед наскоро перекрестился, – царствие ему небесное, друган мой, тут же где-то сгинул. Ребятишки Саватеевны – девка с парнишкой – лет десять еще тому назад пропали. Тоже, чтоб я треснул, где-то в трясинах этих проклятых лежат. Иван Елизарыч – конюх, Маринка – почтальенка... Да мало ли еще кто? Так что, солдатик, сам он, сам... А нам его губить без надобности...

Старик открыл было рот, чтобы дальше продолжать приводить аргументы к своему мнению, но капитан его перебил:

– Ясно. Я тоже думаю, что ваши тут не при делах. А то золотишко, поди, ему не оставили бы? Так ведь, отец? – Огурцов заговорщически подмигнул.

– Знамо дело. Цельный мешок... – Старик хрипло засмеялся. – Я за мешок овса десять годов отсидел, можно сказать, зазря... Вот, считай, золотом этим бы за все и отыгрался...

– Понятно... А вот скажи-ка, отец. Как тебя звать, кстати?

– Тебе зачем, солдатик? Для протокола?

– Да нет. Просто познакомиться хочу с хорошим человеком. А ты что, обиделся за ваших? Так я же пошутил.

– Пошутил? Ну, раз пошутил, тогда Кузьмич, – пожал плечами дед. – Онисим Кузьмич. Протопоповы мы, третьего года рождения... Села Лосянки, шестого дома по улице Ленина жильцы. Пачпорт показать? – Старик полез в карман.

– Неужто и «пачпорт» с собой носишь? – удивился милиционер.

– А как же... – Дед достал что-то завернутое в тряпку и приготовился разворачивать.

– Ну ладно, ладно. Не надо. Верю и так. Видно же сразу, что ты мужчина положительный.

– Как хочешь, начальник. А так все документы в порядке.

– Странный ты, папаша. – Огурцов достал пачку «Примы» и протянул собеседнику. – Я с тобой по-дружески беседую, а ты мне «документы» суешь...

– В гробу я видал таких друзей! – Благодушное выражение исчезло с лица старика, он жестом отказался от сигарет, запихал сверток обратно за пазуху, достал оттуда кисет и начал крутить собственную козью ногу.

– Ну вот, папаша, обиделся все-таки...

– Да кому какая разница, начальник? А ты спрашивай, спрашивай, что хотел, а то мне двигать пора. – Кивнул на удалившихся уже на порядочное расстояние коров.

Густой августовский воздух был неподвижен и тих, если не считать наяривающих на своих скрипках кузнечиков. Пахло какими-то цветами и только что положенным асфальтом. Капитан, чиркнув спичкой, прикурил сам и дал огня доваевшему свою самокрутку деду. «И что сегодня за день такой?» Затянулся и, глядя на лениво пролетающую по небу птицу, похожую на цаплю, задумался: «Вот что плохого я сделал этому мухомору?» От птицы отделилось нечто, набирая скорость, понеслось к земле и, врезавшись в заднее стекло его «Москвича», превратилось в большую белую, заметную даже с его удаления кляксу. Он в сердцах плюнул на землю и собрался уходить.

– Ты, солдатик, наверное, спросить хочешь, откуда у шкелета мешок с золотом оказался? – донесся до него скрипучий голос деда.

– Ну да... – Капитан от неожиданности даже не нашелся, как состричь. – Хочу...

– Так у соседа мово, видать, взял. У него в доме завсегда разные подозрительные личности терлись. То пешком, то на такси приезжали. А один грузин так вообще даже на какой-то ненашенской машине. Темные делишки, однако, какие-то проворачивали... Вот от него, не иначе, и шкандыбал, пока не это... шкелет-то наш...

– Точно, отец. Похоже, оттуда и шел, – встрепенулся Огурцов. – Ты голова, однако! Поехали быстрее, покажешь мне, где он живет.

– Так не могу я ехать, при исполнении. – Дед снова кивнул на стадо. – Да и незачем. Нет его дома, соседа-то... Уже скоро год как нет. Арестовали ваши да и, люди говорят, того... шлепнули за то, что деньги фальшивые делал. А в доме его сейчас две семьи живут. Вполне приличные люди. – Старик бросил бычок на землю и поднялся на ноги. – Тебе неинтересные будут... Могу идти, гражданин начальник?

– Иди, иди, папаша, пока, – разрешил капитан рассеянно. – Имя, фамилию соседа скажи только.

– А, это – пожалуйста. Как его собаку звали? – Старик почесал лысину. – Шухельман Давид Иммануилович, дай бог памяти, двадцать девятого года рождения. Проживал напротив меня на улице Ленина, тринадцать. Еще что-нибудь?

– Нет, спасибо большое, Онисий Кузьмич, вы мне очень помогли. – Капитан протянул руку.

– На здоровье, – пожал ее дед и, кисло улыбнувшись, добавил: – Извиняй, если что. – Повернулся и побрел к своим подопечным.

Обратно в город следователь ехал не торопясь. Жутко не хотелось снова появляться в управлении. Настроение, несмотря ни на что, было хорошее, он глядел из окна и что-то мурлыкал себе под нос.

В свете клонящегося к закату солнца нехитрый уральский пейзаж выглядел особенно мило. Справа проплывали елки с изредка попадающимися между ними березами, слева – березы с елками. Иногда среди этой простоты то там, то здесь вспыхивали ядовито-розовые пятна зарослей Иван-чая, обильно расплодившегося между обугленными палками стволов все тех же берез и елок.

«И что вот хлеб не убирают, мать их ети? – подумал он, когда дорога вышла на обширное поле низкорослой пшеницы. – Дождей ждут, что ли, колхознички драные? Конец августа уже. Спелее вряд ли уже станет».

Он раздраженно отвернулся и, чиркнув спичкой, прикурил снова погасшую сигарету. Картина произошедшего на Лосянском болоте в его мозгу нарисовалась уже полностью. Горизонт, пользуясь служебным положением, под каким-либо там предлогом, на реставрацию например, изъял драгоценное яйцо из экспозиции музея и отвез Шухельману, криминальному ювелиру, изготовить копию. И вот, когда все было готово, приехал забрать свое удвоившееся богатство. При расчете, возможно, к чему-то придрался и выторговал десять процентов скидки. О чем говорит найденная Лидой сдача. Заплатил четыре с половиной тысячи, положил все в мешок и направил стопы по короткому пути, через болото по скользкой прогнившей гати. И либо последняя не оправдала его надежд, либо пожалевший о скидке Шухельман догнал и столкнул – в связи с неподсудностью последнего, уже неважно. В результате вместо того, чтобы сэкономить полчаса, жулик задержался в местных водах на три года. И если бы не землекопы и не бдительный участковый, то культурная общественность вообще могла бы никогда не узнать про его хитрые манипуляции с государственными ценностями. А так остается выяснить только, зачем ему это все понадобилось, и дело раскрыто. «Шкелета на кладбище, яйцо в музей, майорские погоны перед пенсией мне на плечи... – Огурцов выбросил чинарик и злобно плюнул. – Вот если бы только не Купорос...»

За поворотом открылся вид на городские окрестности. Напротив кладбища перед скопищем низких деревянных домишек частного сектора хищно торчала двухэтажная кирпичная будка поста ГАИ. На выезд из города перед ней стоял знак «Стоп», и выстроилась пробка машин на двадцать. Вооруженные автоматами сотрудники внимательно вглядывались в окна останавливающихся автомобилей и направляли подозрительных на стоянку справа для более подробного досмотра.

– Здорово, Витек. Что еще за хрень тут у вас приключилась? – спросил Огурцов, оставившись возле дежурившего на въезде знакомого лейтенанта.

– У нас... – усмехнулся тот. – Это не у нас, а у вас. Ты где был, Валера? Не знаешь, что ли? Следователя вашего заколбасили, да не простого, а зятя начальника управления. Не помню фамилию. Ну, ты должен знать.

– Да ты что?! – Капитан похолодел. – На глушняк?!

– Да нет. Живой, слава богу... В коме... Но все равно вот план-перехват... Ищем... Правда, не знаем кого.

7

Эдуард и Вера сидели на мягком диване в красивом холле перед дверью с табличкой «Забелецкий Вениамин Самуилович» и терпеливо ждали. За проведенный ими здесь час Бюро международного молодежного туризма «Спутник» никто не посетил, никто ни из какой двери не вышел и ни в какую, соответственно, не вошел. Организация словно вымерла. Лишь одна-единственная некрасивая, но очень модно одетая девушка важно ходила по толстым коврам туда-сюда и сердито зыркала на непонятно откуда взявшихся пришельцев.

– Видела, какие штаны на ней? «Лакоста» вельветовая, первый раз такие вижу, – восхищенно прошептал Эдуард, когда она продефилировала перед ними в первый раз.

– А брюлики в ушах? – У Веры даже слезы выступили от зависти. – Отпад! Думаешь, настоящие?

– Кроссы – «Серджио Таччини», – смог рассмотреть и определить Эдуард во второй проход. – Сто пудов оттуда... У нас такие ни за какие деньги не купишь.

– Да, супер! А волосы, интересно, ее или парик?

Каждый раз подельники находили в ее одеянии что-нибудь новое, а когда в очередной выход она появилась с пылесосом и стала чистить пол, они вообще офонарели.

– Копец! Что за контора такая? Тут даже уборщицы так одеваются, как нам и не снилось...

Наконец, со стороны входа через открывшуюся дверь донеслись звуки улицы, топот ног по лестнице; дремавший швейцар-охранник вскочил, изобразив телом раболепство, отдал честь, и в холле появился сам Вениамин Самуилович. Модная уборщица, несмотря на ядовито-зеленую кофточку, сразу поблекла на его фоне. Светлый шикарный заграничный костюм, плотно обтягивающая двухведерное брюхо полосатая сорочка, неяркий, но модно завязанный галстук и умопомрачительные белые ботинки делали его похожим на американского буржуина из сказки. Он плыл словно белый лайнер, а рядом, будто специально для контраста, вприпрыжку едва поспевали два тощих дядьки, по виду профсоюзных работника с каких-то фабрик. Видимо, ждали на улице – не смогли пройти швейцара в своих кривых советских одеждах.

Он подошел к контрабандистам, окруженный облаком французского парфюма. Неведомая сила потянула их из диванных подушек, они вскочили и тоже чуть не отдали честь, как швейцар.

– А, Эд, привет, – небрежно кивнул им буржуин, не сводя глаз с Вериных ног. – Мадемуазель... – Взял влажными ладошками ее руку, прижав к потному подбородку, изобразил что-то типа поцелуя. – Подождите немного, ребята, я разберусь с товарищами. – Ковырнул замок, толкнул дверь и, втянув за собой дядек, исчез в кабинете.

– Что это было? – спросила Вера ошеломленно.

– Вот... Забелецкий... Сразу видно, мэн¹³ из-за бугра не вылезает. Видела, какой костюм? А ботинки?

– А пахнет как... – Она внимательно обнюхала руку.

– Не завидуй. – Эдуард плюхнулся обратно на диван. – Свалим отсюда, еще круче станем...

Сболтнув на последней пьянке, что уже договорился про путевки, он, как всегда, немного преувеличил. Никто ему ничего не обещал. Разговор с Забелецким имел место чисто теоретический. Поэтому сейчас он радовался, что с ним Вера и что замдиректору так понравились ее ноги.

– Ты не робей, будь попроще с ним, – подбодрил он подругу. – Так-то он обычный мужик. Побольше улыбайся и все такое. Ну, не мне тебя учить...

– Да уж, без тебя разберусь. – Она по одному взгляду на клиента поняла, как с ним себя вести и за кем будет победа.

Минут через десять дверь бесшумно растворилась, из нее, благодарно кланяясь, задами вперед вывалились дядьки и, держа потолстевшие портфели под мышками, посеменили на выход.

– Ребята, Эд, проходите, – донесся из глубины кабинета официально приветливый голос.

– Ну что, идем. И... попроще, попроще с ним...

¹³ Калька с английского man – «мужчина», «человек».

– Да пошел ты.

Они прошли через пустую приемную в кабинет. Высокие потолки дореволюционного здания, завешанные тяжелыми портьерами окна, импортная мебель в классике придавали ему сходство с залом королевского замка. Не привыкшие к роскоши посетители были уже с порога слегка придавлены.

– Очень рад! – Замдиректора, не сводя немигающего удавьего взгляда с Веры, вышел из-за стола и указал на кресла в углу комнаты. – Чай, кофе предложить не могу, извините, секретарша на вакэйшн¹⁴ в Амстердам свалила. А вот что-нибудь покрепче: мартини, виски, коньяк – пожалуйста. – Скользнул к шкафу и распахнул дверцу бара.

Освещенное скрытой лампой чудесное окно в мир западного изобилия путеводной звездой вспыхнуло в полумраке кабинета. «Все правильно... Туда, скорее туда», – синхронно подумали контрабандисты. Забелецкий, не дожидаясь ответа, налил в два треугольных бокала по полтора сантиметра Мартини и протянул гостям.

– А ведь ты, Эд, мне все еще не представил свою очаровательную спутницу.

– Ах да, конечно. Познакомьтесь, Вениамин, это Вера. Вера, это Вениамин.

– Очень приятно.

Новые знакомые обменялись рукопожатиями.

– Вы, Верочка, учитесь или работаете? – не отпуская руки красавицы, спросил замдиректора бархатнейшим голосом.

– Не то и не другое, – очаровательнейше улыбнулась та в ответ.

– И чем же тогда занимаетесь?

– Ну-у... В основном мечтаю.

– Как это мило... О чем же, Верочка, если не секрет?

– Не секрет, Вениамин. У вас работать.

Буржуин, сразу бросив руку, раскатисто захохотал.

– Надеюсь, вы не за этим осчастливили меня визитом. Все готов сделать для такой прелестницы, но это, увы, не в моих силах. – Он подошел к бару, налил полстакана коньяка. – Видели уборщицу в холле? Любимая дочь второго секретаря горкома. Наш директор – его лучший друг, и то еле-еле устроил. Москва... Сам тут еле держусь. Со всех сторон шатают. – И залпом выпил.

– Да нет... Вера пошутила... Вовсе мы не за этим пришли. – Эдуард сердито зыркнул на подругу. – Ей некогда работать... – Хотел добавить, что домохозяйка и что у нее с мужем много хлопот, но вовремя осекся. – Мы насчет Кубы поговорить...

– А... А я думал, ты долг отдать. А что Куба?

– Ну, помнишь, ты у Моргуновой говорил, что на Кубу зимой никто ехать не хочет? Так вот, мы можем тебя выручить.

Буржуин опять заржал:

– Выручить! А ты забавный, Эд.

Контрабандисты переглянулись.

– Ну ты что, Вениамин? Забыл? Еще говорил, что два места у тебя есть... своих собственных.

– Ну, есть, предположим, – резко перестал смеяться замдиректора. – А при чем тут вы?

– Так купим их у тебя и все такое. Я в долгу не останусь, ты же меня знаешь, – подмигнул ему Эдуард.

Забелецкий поглядел на часы. Рабочий день кончался. Потом на пустые бокалы посетителей.

---

¹⁴ Калька с английского vacation – «отпуск».

– А что это Мартини? Квас итальянский... Может, вам коньячку налить или нет... рому кубинского?

– Коньячку или рому можно, – обрадовался Эдуард, – только не уиски. Мы тут недавно пузырь литровый раздавили Джони Уолкера, так голова потом три дня болела.

– А ваш фрэнд¹⁵ – гурман, Верочка. – Забелецкий разлил всем из пузатой бутылки. – А я вот армянский предпочитаю. Всякого полно. – Он небрежно махнул в направлении бара. – В дьюти-фри накупал... А пью армянский, пять звезд. Люблю. Что уж тут поделывать.

– А я портвейн люблю, – разоткровенничался в свою очередь Эдуард. – Пью, конечно, и водку, и коньяк, и уиски иногда, но... мне противно. А вот портвейн всегда с удовольствием. Можно и вермут, но портвейн лучше.

– Я же говорю – гурман. – Замдиректора снял пиджак, расслабил галстук и поднял свой стакан. – Верочка, – прижал руку к груди, – пью за вашу красоту. Вы пронзили мое сердце с первого мгновения нашей встречи! – Сделал вид, как будто сейчас заплачет. – Не знаю, как буду дальше жить с такой серьезной раной, но... Все равно счастлив, что познакомился с вами.

«Как умно я поступил, взяв в команду такую сексапильную телку, – подумал Эдуард, закусывая найденной в стоящей на столе вазочке печенюшкой. – Этот хореk Забелецкий раньше такой важный был, что за руку брезговал здороваться, а тут, глядите-ка, коньяком угощает и слюнями брызжет...»

– Ты всегда мне нравился, Эдуард. – Замдиректора осушил вторые полстакана, алкоголь добрался до его мозга, и он решил открыть карты. – Модный такой, молодой, борзый. Девчонки у тебя всегда – высший класс... – Выразительно поцокал языком, глядя на голые Верины коленки. – Далекo пойдешь, в общем...

– Ты тоже, Вениамин, умеешь жить. Как вошел сегодня в контору... Мы с Веркой аж присели. Думали, бог какой-то с неба спустился. Костюм! Шузы! Короче, полная колбаса, – не остался в долгу Эдуард.

– А... Спасибо, это я еще так, в рабочей, можно сказать, одежде... – Лесть пришлось замдиректору ко двору. – А вы Верочка, почему не пьете? – Захотев налить по новой, обнаружил он, что у красавицы в бокале практически ничего не изменилось. – Мы напьемся, и вам с нами неинтересно будет. Давайте, давайте, допейте. Тогда я и нам налью.

– Да... Давай, Вера, не подводи, – нахмурился Эдуард.

Девушка пожалала плечами и сделала большой глоток.

– Ну вот, хотя бы, – улыбнулся замдиректора, тут же разливая по новой. – Давайте выпьем за случай... за счастливый случай или за удачу, что ли... Даже не знаю, как это выразить словами. – Он схватился за лоб. – В общем, чувствую, что вы неспроста появились в моем кабинете, и хочу выпить за то, чтобы этот случай стал счастливым. – Он взял стакан и, даже как-то смущаясь, потянул к гостям.

Контрабандисты снова переглянулись, чокнулись и выпили.

– Какой мягкий коньяк, – подал голос Эдуард. – У тебя неплохой вкус, Вениамин... И все-таки что с Кубой?

– А что с Кубой? Девятьсот за путевку плюс по пятьсот с рыла, пардон, с прекрасного облика, – к влюбленному взгляду на Веру Забелецкий добавил сложенные в мольбе извинить ладони, – за услуги. Думайте.

– Почему по пятьсот?!... – возмутился руководитель банды. – Сам говоришь, никто не едет зимой...

– Зимой?! Подумаешь, небольшой ливень после обеда. Нам бы такое лето, как там у них зима, – улыбнулся спекулянт. – Пятьсот по знакомству, Эдик. За вашу красоту делаю скидку,

¹⁵ Калька с английского friend – «друг».

а так, вообще, лохам – две цены. Плюс к этому райком партии – двести и помощь в КГБ – триста, а сложные случаи, как у тебя, Эд, например, от пятисот до тысячи...

– А что это вдруг у меня сложный случай? – возмутился Эдуард.

– А то что, тебя только из-за одной твоей фотокарточки не выпустят... Ты посмотришь в зеркало. Где там комсомолец, образец советского человека для братьев из социалистической республики? И ты комсомолец ли, кстати?

– Ну нет... – Смущенно потер нос Эдуард. – Исключили, когда первый раз из института уходил, а при чем здесь это?

– Ну вот, что я и говорю... Это еще тыща, короче. – Вениамин снова всем налил. – И это по дружбе... Лохам такая услуга недоступна.

Они выпили. В комнате повисла тишина. Замдиректора строил глазки Вере, в то время как атаман банды калькулировал в уме расходы и прикидывал, из каких источников их можно было бы покрыть.

– А вас чего на Кубу-то потянуло, ребята? – Забелецкий уже изрядно захмелел. – Был я там... Ничего особенного. Такой же совок, только еще обшарпаннее. Ничуть не лучше нашей Анапы или, скажем, Пицунды. Такая же беднота и черножопые кругом. Зачем это вам? Тем более за такие деньги?

– Ну как?.. – рассеянно возразил Эдуард. – Просто хочется за границу съездить. Мы с другом всегда мечтали там побывать. Остров Свободы, Луис Корвалан и все такое... Вот и Вера тоже...

– Постой, постой, – перебил его Забелецкий. – Ты, друг и Верочка... Три, что ли, путевки надо?

– Ну, типа...

– Ой, ребята, что-то вы мне не нравитесь. – Замдиректора окинул контрабандистов проницательным взглядом. – Бежать, что ли, намылились?

– А что сразу бежать? – изобразил возмущение Эдуард. – Что, нельзя просто попутешествовать съездить?

– Ну да... Попутешествовать... Не смеши. Я тебя знаю. В жизни из области не выезжал – денег жалел, а тут за бугор, да еще за две с лишним тонны.

– Ну вот... точно ты говоришь... Может, я копил, а сейчас поеду, наконец, мир посмотрю.

– А... – Лицо Забелецкого ожесточилось. – Это интересно... Так вот почему ты мне еще с весны за пакеты деньги не отдал. Сколько там? Двести двадцать? Немного, конечно... А вот Седой мне недавно гундел, что ты ему за штаны пятихатку должен. Макарону, Моргуновой, кто там еще у нас?.. Эпифану... Ну и так далее. То-то они все обрадуются, когда узнают, где их денежки.

Эдуард, не найдя, что ответить, схватил бутылку, неумело налил всем, взял свой стакан и залпом выпил. Наступила неловкая пауза.

– Но вы же его не выдадите, Вениамин? – пришла на помощь другу Вера. Она придвинула свою босоножку к ботинку замдиректора и, глядя прямо в глаза, проворковала: – Вы же не можете быть таким жестоким?

Ход получился сильным, Забелецкий мигом забыл все претензии, подобрел, одутловатое лицо его сложилось в сальную улыбку.

– Верочка. А почему мы все еще на «вы»? Надо срочно исправить эту досадную ошибку. Давайте-ка мы с вами выпьем на брудершафт.

Он взял ее коньяк и рванулся через стол подать, не сдвигая при этом ногу, чтобы не прервать предложенный красавицей контакт. Сдавленное этим движением содержимое его многолитрового пуза резко хлынуло вверх, кнопки на рубашке расстегнувшись, обнажили покрытую рыжей растительностью грудь. Вере стоило большого труда не рассмеяться.

– Не выдадите? – переспросила, принимая бокал.

– Да как скажете, моя прелесть... – Лицо у заметно запяневшего замдиректора то ли от спиртного, то ли от любви полыхало, волосы на груди шевелились. Он сверкал глазами и хищно облизывал губы. – Так что, на брудершафт?!

Выглядело это весьма угрожающе. Вера на несколько секунд замерла в замешательстве.

– Ну да, да... Сваливать собрались из этого совка вонючего, – прорезал тишину голос Эдуарда. – И не просто так, а с баблом. С большим баблом. С миллионами.

Признание атамана мигом переключило внимание аудитории. Забелецкий, резко остыв, повернул голову в его сторону, а Вера той же босоножкой больно пнула болтуна под коленку.

Он ойкнул, но не замолчал:

– Поможешь с путевками возьмем тебя с собой. Поедешь с нами, Вениамин?

– С миллионами, говоришь, – ухмыльнулся замдиректора, застегивая рубашку. – Интересно... – Посмотрев на просвет, нашел бутылку почти пустой, поднялся взять другую. По пути к бару вылил остатки коньяка в себя.

– С миллионами, с миллионами, чувак, не сомневайся. Будем жить как люди, а не какие-нибудь там негры.

Пока контрабандисты за его спиной перестреливались взглядами, Вениамин принес из шкафа Метаксу, сел на место, разлил. Все выпили до дна, даже Вера. Угостил из пачки «Кэмел». Закурили.

– А все-таки «Кэмел» гораздо вкуснее «Мальборо», – почмокал губами Эдуард, выпустив в потолок дым от первой затяжки, – мягче намного.

– Да, да... Ты давай, миллионер, зубы не заговаривай. Выкладывай, что там у тебя. Клад, что ли, нашел?

– Ну, типа... – И руководитель экспедиции не спеша, к месту и не совсем помогая себе жестами, ввел замдиректора в подробности операции.

Тот внимательно выслушал, не перебивая, а по окончании доклада изрек:

– Да-а, молодежь, с вами не соскучишься... – Задумчиво почесал затылок. – Если все так и есть... Очень, очень даже может все неплохо получиться. Русский авангард сейчас у них в цене... И с чемоданами это вы хорошо...

– Это я... я придумал, – гордо поднял нос начальник экспедиции.

– Ни хт шлейхт¹⁶, – похвалил его Вениамин. – Надо только, чтобы этот ваш, как там его?..

– Леха, – хором помогли контрабандисты.

– Чтобы Леха покрепче все приделал. Швыряют там этот багаж бедный со страшной силой. Не приведи господи, порвут шедевры.

– За это не парься, у парня золотые руки. За это и держим. Сделаем все на высшем уровне, – успокоил его Эдуард. – Лично проверю.

– Проверишь, говоришь? Молодец. Ну и что? – вонзился замдиректора в собеседника вопросительным взглядом.

– А то... Выберемся – одна картина тебе.

– Хм... А почему одна? Две.

– Чего? – завелся Эдуард с пол-оборота. – Одна, я сказал! Одна.

– Мне это будет очень дорого стоить. Две. Последнее слово.

– Чего? Сколько стоить? Семь тысяч... сам же сказал. Так-то, если рассудить, тебе и этого много. Вон у Веры с Лехой, вообще, по половине, и им хватает. А у тебя целая. Это миллион, не меньше!

– Им хватает, а мне мало. Что такое миллион в мире капитала? Тьфу... Я был там и неоднократно. Там все так дорого. Сказал, две – значит, две... и не меньше.

---

¹⁶ Калька с немецкого nicht schlecht – «неплохо».

– Да пошел ты! – не переставал горячиться Эдуард, несмотря на болезненные пинки подельницы из-под стола. – Без тебя обойдусь... Достану деньги, продам одну, наконец... заплачу тебе за твои сраные путевки и сам поеду, без твоей вонючей помощи!

– О да, конечно, конечно. О чем звук? Поезжай... Только я вот возьму их тебе и не продам! Ни за какие деньги. И вообще...

– А я тебе столько дам, что ты их мне в зубах притащишь! – Вскочил с дивана атаман. – А не ты, так директор твой. Зайду к нему и бахну на стол десятку красных, мало будет – две. А ты удавишься от жадности, когда узнаешь, что такой навар прощелкал. Я твою еврейскую душу знаю...

– Ах ты, сучонок! – Забелецкий тоже покинул кресло. – Душу он мою еврейскую знает! А не знаешь ли, что я ко всему прочему еще и офицер КГБ в отставке и могу сейчас же тебя как опасного врага взять за жабры и...

– Эй, эй! Хватит! Заткнитесь! – громко закричав, не дала ему закончить Вера. – Подумайте. Что делите-то, кретины?! Шкуру неубитого медведя...

Ее замечание подействовало. Спорщики замолчали и сели на свои места. Забелецкий разлил.

– Ну, хорошо... Полторы.

– Одну.

– Почему тебе... – Замдиректора произвел вычисления в уме. – Четыре, а мне одну? Несправедливо...

– Потому что это мое! Мой отец это скоммуниздил и мне оставил. А ты тут ни при чем. Тебе просто повезло. Я тебе почти за просто так даю миллион... зеленых. Бери, бля, пока я добрый! А то, ей богу, плюну на все и отнесу это говно в ментовку...

– Ничего себе «за просто так»!.. Да если бы ты знал, как это все трудно! Путевки, менты, парткомы... Всех оближи, помажь, везде нервы... Неси сдавай, что ж. Только имей в виду, не успеешь, я тебя первый сдам.

– Хватит! – закричала Вера, видя, что они снова начали вставать. – Мы с Лехой отдаем одну треть от нашей доли тебе, Вениамин. Одной с третью тебе достаточно?

Переговоры заходили в тупик, и предложение красавицы поступило очень своевременно. Замдиректора секунду посообразал и решил, что больше ему со своих деловых партнеров уже не выжать.

– Ладно, так и быть. Я привык уступать очаровательным женщинам. Договорились. – Он взял бокал и, победоносно улыбаясь, поднял над столом: – Давай, Эд, забудем наши разногласия и выпьем же, наконец, за эту Богиню. – На лице коммерсанта снова засияла обольстительная улыбка. Он, украдкой глянув под стол, определил там местонахождение Вериной босоножки и двинул туда свой ботинок. – Нам с тобой повезло, что она не только необыкновенно прекрасна собой, но еще и мудра, и щедра... – Он елозил ступней по полу, но ноги прелестницы не находил.

– Давай. – Эдуард, тоже восхищенный напарницей, обрадовался такому разрешению назревавшего было конфликта. – Она классная, согласен...

– А за такой тост, Верочка, нужно пить только и исключительно на брудершафт. Так что... – Замдиректора снова заерзал и заоблизывал губы.

– Да это уже ни к чему... – усмехнулась красавица. – Теперь можешь и без этих глупостей называть меня на «ты», Венек...

8

Придя в понедельник на фабрику, Леха получил в отделе кадров новенький пропуск и, подойдя к одной из четырех серьезно укрепленных кабин на проходной, предъявил его высунившейся из окошка здоровенной тетке.

– Алкаш? – хмуро спросила та, внимательно изучив документ.

– Это что, там так написано? – усмехнулся промдизайнер.

– А что, нет? – Вахтерша ощупала его холодным взглядом. – Все вы, мужики, алкаши... А это что? Ну-ка подойди ближе. – Она одной рукой ловко поймала подозреваемого за воротник, другой бегло обыскала. – Показалось... – выдохнула с видимым разочарованием.

– Вы что, тетя, охренели? – возмутился Леха.

– Побазарь еще мне, племянничек... Сам виноват: вырядился в пинжак в такую жару... Заруби себе на носу: проносить спиртные напитки на предприятие строго запрещено! Найду, – она поднесла под нос контрабандисту солидный, пахнувший луком кулак, – напишу докладную... Проходи.

Конструкторским отделом оказалась просторная комната с яркими шторами, задрапированными в стиле «Помпадур». Везде, где можно, красовались горшки с растительностью, стены украшали обои в цветочек, а на полу блестел грубо имитирующий паркет линолеум. Помещение можно было бы принять за гостиную в квартире какой-нибудь старой девушки, если бы оно не было так густо заставлено рабочими столами, за которыми сидели и прихорашивались симпатичные работницы.

Молодой специалист сразу забыл про неприятности на проходной. Полные и стройные, светлые и смуглые, молодые и уже пожившие. Четырнадцать голов насчитал он в этом цветнике, и все были пригодны для обмена жидкостями. Восемь вполне подходили для продолжительных половых отношений, а одна так вообще вылитая Вера, только пониже, ну и не такая красивая, конечно.

Так он и доложил с нетерпением ждавшему его после первого трудового дня Эдуарду.

– Тебя туда, баклан, что размножаться отправили? – зло перебил главарь банды, не дав новоиспеченному кожевнику закончить описание своего счастья. – И не думай даже. Никаких там шашней. Вот ведь, половой агрессор, раскатал губы. С одной рога замочишь – и все, больше она тебя ни к кому не подпустит. Это женский коллектив, у него свои законы, – учил опытный в таких делах товарищ. – Береги патроны для решающего выстрела. Если уж и подкатить к кому яйца – так по делу, к начальнице какой-нибудь или кладовщице в чемоданном цехе. Ясно, развратник?

– Да как же так? Там такая малина... Вообще нельзя? Что я, импотент, что ли? – спросил Леха разочарованно.

– Ты что, глухой или дурак? – разозлился Эдуард. – Вообще нельзя! На улице телок тебе мало? Узнаю – убью. Будешь обо всем мне рассказывать. Когда надо будет и кого – сам скажу. Понятно или нет?!

– Ладно... что уж там, – согласился Леха с неохотой. – А то я мог бы парочку и сюда привести.

– Все, закончили об этом, придурок. Что еще там было интересного?

– Тетка была интересная на проходной. С тебя ростом, только раза в два шире. Обшмала меня очень тщательно, особенно на выходе. – Парня передернуло от воспоминания об ее жестких пальцах у себя в паху. – Ох, не знаю, как мне оттуда шесть чемоданов вынести удастся.

– Вот... Эту бабенцию и трахни, – оживился Эдуард. – Да так ей засади, чтоб она только о тебе и мечтала. И тогда она тебе сама что угодно вынесет.

– Ты что серьезно? – заржал горе-кожевник. – Она же старая и страшная... Да и ненавидит и меня, и весь род мужской.

– Ну, это я так, к примеру, как вариант... А так думай, решай, смотри по сторонам. В чемоданный цех ходил?

– Не успе-ел...

– Не успе-ел, – передразнил подчиненного атаман. – Весь день на телок пялился. Давай соберись, чувак. Немного погорбатимся – зато потом всю жизнь в шоколаде валяться будем. Сделаем дело – будет у тебя таких сосок сотня, еще и получше. Помнишь, как в журнале? – Взяв ладонями свои воображаемые огромные груди, он с чувством потряс ими. – Забелецкий уже путевки выбил. Осталось меньше двух месяцев. Вера сегодня спрашивала, как у тебя дела идут.

– Успеем, боцман, не ссы, – оживился Леха при упоминании напарницы. – Что она еще спрашивала?

– Да так, ничего особенного... Ну ладно, все на сегодня. Иди домой, отдыхай.

Директора «Красной кожевницы» Клавдию Михайловну Завальню в молодости оболстил и бросил какой-то сельский ловелас, с тех пор она ненавидела мужчин. Возможно, поэтому, а может, по причине мизерных зарплат, трудились там в основном женщины. Этакое феминистское царство: женщины начальницы, грузчицы, шоферицы, охранницы. Даже такой исконно мужской пост, как сантехник, занимала Зоя Муравьева, вечно мокрая, спешащая куда-то с грязным тросом на плече стодвадцатикилограммовая амазонка. Из-за того, наверное, все отхожие места на предприятии и пребывали в полном порядке.

Мужчины на фабрике, конечно, тоже работали, но все какие-то немужественные и с различными изъянами: кто алкаш, кто инвалид, а кто просто, как начальник отдела кадров, пыльным мешком пришибленный. Каста ленивых, вечно недовольных жизнью изгоев. Они редко попадались на глаза, но они в наличии имелись. Обитали в подвалах, в различных каморках и подсобках, прятались, чтобы их не засекли и не заменили на таких же, но нормальных женщин.

Главная художница, она же начальник конструкторского отдела Зоя Павловна Гробарь-Первомайская была с директором на половой вопрос совершенно идентичных взглядов. И, как только первый раз увидела перед собой нашего промдизайнера, так сразу только по одному его облику поняла, что перед ней бездарь и лентяй, а по едва уловимому запаху перегара (в понедельник утром), что еще и алкоголик. Рабочих единиц, однако, в отделе не хватало, а парень имел редкий по тем временам диплом с хорошими оценками. «Что же, делать нечего, – подумала она, – нужно уметь работать с тем, что есть». Скрепя сердце приняла его в коллектив и даже решила поручить главное дело года – разработку макета фирменного настенного календаря.

С тех пор прошло две недели, и она с каждым днем все более и более убеждалась, что жестоко ошиблась.

– Ну вот что вы, Алешенька, мне опять принесли? – Старушка сморщилась, насколько позволил слой нанесенной на лицо штукатурки. – Я же просила вас побольше души, побольше чувственности, что ли... Если вы меня понимаете. А это снова...

– Нет, не понимаю, Зоя Павловна, – перебил ее промдизайнер. – Я и так уже, как вы просили, почти полностью передрал ваше любимое произведение. Осталось только год тот же поставить – и один в один будет.

– Ах, Алешенька, дорогой. Ну что же тут непонятного? Ну не смотрится... Понимаете? Не смо-три-тца... Вот посмотрите сами, вы же дизэйнэр... Она взяла его макет, кряхтя,

вылезла из-за стола и приложила к стене рядом с аляпистым плакатом в зелено-сине-красных тонах:

– Леночкин календарь смотрится, а ваш не смо-три-тца... Неужели вам самому не видно?

– Извините, не видно. Одна хрень, что та, что эта, – промдизайнер едва держал себя в руках. – Компоновка та же, орнамент ваш деревенский – один в один, цвета такие же, шрифт на сетке идентичный... Что еще не так?

– Зря вы ругаетесь, Алеша. – Старуха снова села за стол и, приветливо улыбаясь, уставилась на подчиненного злыми глазами. – Леночкина работа, между прочим, всем понравилась и собрала многие восторженные отзывы на фабрике. Сама Клавдия Михайловна восхищалась и повесила этот календарь у себя в кабинете и даже дома. А ведь Леночка институтов не заканчивала. И уж, конечно, никаким дизайнэром, – она неодобрительно покачала головой, – не была. Сама всему научилась. Самородок, если вы меня понимаете. Все детство рисовала в Доме пионэров, а потом сорок лет отдала нашей фабрике. Начинала простой проклейщицей, а дошла до моего заместителя по кэнструктэрскому отделу...

– А ведь вы, Зоя Павловна, если я не ошибаюсь, тоже ничего такого не заканчивали. – Леха наводил недавно справки. – Торговый техникум не считается. Почему же вы меня, дипломированного по этому профилю специалиста, учите, что и как мне делать? Откуда вы можете это знать?

– А укорять не надо, молодой человек, что у меня нет высшего обрээвания. – Благообразное лицо старушки резко превратилось в оскалившуюся крысиную морду. – Некогда было мне учиться, не до институтов было, знаете ли... Шла война, а потом разруха... А учу я вас, непутевого, потому, что лучше знаю, что нужно, что понравится людям и нашему дирэктору, и потому, что если вдруг что-нибудь не так получится, отвечать придется лично мне начальнику, а не вам. Вы хоть и дипломированный, но молодой, зеленый и ничегошеньки в нашем иском-юстве не понимаете... Вот Леночку я бы учить не стала, мы с ней друг друга понимали без слов. Жалко, что она покинула этот мир, а то бы...

– Нет, ошибаетесь, не покинула она этот мир. – Леху понесло. – Она живет здесь: в этом календаре, в этом мусоре, – он схватил несколько рекламных листовок, лежавших на крае стола, и подбросил в воздух, – в этих шторках, в сотнях архаических поделок, нашлепанных вашей фабрикой по ее эскизам. Ее затхлый дух везде в этой конторе. Ваша Леночка была, несомненно, способной, а когда-то, наверно, и актуальной, но она и вы вместе с ней безнадежно отстали. В мире уже никто так не работает... Я же приносил вам, показывал графику, вещи импортные в журналах, какие сейчас в моде. Вы посмотрите на них и на это, – он ткнул в календарь, – на то, что производите. Небо и земля...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.